

Евгения Кротова

Последняя переправа

Детективное Агентство "Тайны.не"

18+

Евгения Кротова

Последняя переправа

«Автор»

2026

Кретьова Е.

Последняя переправа / Е. Кретьова — «Автор», 2026

На месте жестокого убийства треш-блогерши Дарьи Синицыной находят потемневшую от времени монету. Убийца не торопился, не паниковал и не оставил следов. Он методичен, расчётлив и уверен в своей правоте. В это же время частный детектив Бочкин берётся за дело пятилетней давности — гибель шестерых подростков. Тогда следствие закрыли, списав всё на ритуал и смерть подозреваемого. Но мать одного из погибших не верит в вину сына. А таролог и профайлер Аделия Мило, которая читает архетипы людей по картам, замечает то, на что не обращают внимания другие. Три линии, одно прошлое и монета, которая вот-вот упадёт на новую ладонь. И чем ближе разгадка, тем опаснее становится вопрос: где заканчивается правосудие и начинается самосуд? «Последняя переправа» — детективный триллер для читателей, которые любят: -мрачные процедурные истории; -дела про серийных убийц; -психологический профайлинг; -Таро как инструмент; -социальные темы (травля, треш-стримы, самосуд, цена справедливости).

© Кретьова Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	17
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	27
Глава 7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Евгения Кретьова

Последняя переправа

Пролог

— Не надо, пожалуйста...

Она скулила, словно щенок. Куда делись прежний лоск и самоуверенность. Окровавленные руки сложились в мольбе. На запястьях уже начала подсыхать кровь — пора заканчивать.

Он распрямился во весь рост.

— Я не делаю с тобой ничего, кроме того, что ты делала с другими.

— Я не делала... Это неправда!

Он не стал препираться, эту тему они уже обсудили, повторяться он не видел смысла. Достал нож и шагнул к распластанной и униженной женщине. Та взвизгнула и отползла в угол. Впрочем, недалеко — поскользнулась в луже собственных испражнений и растянулась на полу. Он подошел к ней, схватил за волосы и потянул на себя.

— Не надо...

Она была омерзительна. Натянутые от инъекций губы на отеком от слез и мелких порезов лице, нос распух, макияж размазался по щекам черными потеками. Ничего, кроме чистой неприязни, он к ней не испытывал. Даже злости не осталось. Только провонявшее экскрементами разочарование.

Перешагнул через ее беспомощно раскинутые ноги и навис над ней. Намотал волосы на кулак и заставил приподняться на локтях, подтянуться выше и максимально оголить белую шею.

— Пожа-алуйста! — прохрипела она.

Ее взгляд не отпускал занесенную над ней руку с блестящим лезвием длинного изогнутого клинка с перемотанной черной изолентой ручкой. Тусклый свет электрического фонаря играл на нем, бросал тусклые блики. И в них отражалась она — окровавленная, уничтоженная, изуродованная до основания.

— Раньше надо было...

Клинок полоснул по горлу, рассек трахею. На грудь женщины хлынула темная и горячая кровь. Он отошел прежде, чем та попала на его ботинки.

Какое-то время смотрел на скорчившееся в углу тело. Прислушивался к себе. Сердце билось ровно, будто его обладатель только что завершил обыденную, рутинную работу.

Она такой и была — лишь этапом. Убийство для него никогда не было самоцелью, скорее последним милосердием палача.

Пожав плечами, он вернулся к столу, забрал фонарик и направился к покосившейся двери. Толкнул ее локтем и вышел в сырой пропахший кошками подвал. Под ногами чавкала сырая грязь. Крысы с визгом разбежались по углам и прятались в тени.

Он дошел до конца коридора, поднялся по крепкой еще каменной лестнице наверх. И только тут позволил себе вздохнуть полной грудью, не боясь задохнуться от вони. Небо розовело в ожидании заката. В малиновых облаках чернели опоры линий электропередач. Где-то вдалеке приглушенно шумела трасса.

Мужчина подошел к припаркованному около заброшенного строения внедорожнику, открыл багажник и пристроил на заранее приготовленный брезент фонарь. Наклонившись к земле, несколько раз погрузил в песок лезвие, максимально его очистив от липких и вонючих пятен. Так же песком вычистил руки. Завернул в промасленную тряпицу и спрятал под запас-

ным колесом. Придвинув к краю багажника пятилитровую бутылку воды, перевернул ее на бок и чуть открутил крышку, вода полилась тонкой струйкой на его руки, теряясь в пыльной траве.

Обстоятельно вымыв руки и лицо, он схватился за футболку, принялся — зловонный запах прочно въелся в трикотаж.

— Черт... Придется выбросить.

Остатки воды он вылил на ботинки. Проверил одежду, чтобы не пропустить на ней пятна крови, и только тогда выключил фонарь. Захлопнул дверцу багажника, прошел к водительскому креслу.

Завел двигатель. Слушая, как тот глухо урчит, задумался о дальнейших действиях: надо было встретиться с шефом. Но представил, как тот примется орать из-за позднего визита, передумал.

Решив, что он слишком устал для серьезных разговоров, он мягко тронулся, окончательно оставив за спиной уже завершённое дело.

Глава 1

— Итак, сегодня мы встретились на вашей уютной кухне не просто так, чтобы потрепаться, а по важному, не побоюсь этого слова, делу, — Тимур Бочкин сделал драматическую паузу, за время которой слушавшая его Аделия успела испепеляюще посмотреть на мужа, перевести взгляд на Бочкина и тяжело простонать. — Спокойно, Аделия Игоревна, больно не будет.

— Переигрываешь, Тимур, — Макс Александров, все еще подполковник юстиции и следователь центрального аппарата СК России, смотрел на институтского приятеля и откровенно веселился.

Идея тренировать дар Аделии пришла Бочкину сразу после успешного раскрытия дела об исчезновении Виктории Бобыль. Ворвавшись в кабинет Аделии в самый неподходящий момент — Макс как раз целовал супругу, соскучившись после командировки — он бестактно сообщил, что у него к ним обоим важнейший разговор.

— Способности Аделии нужно верифицировать, — заключил он. — Иначе нормально монетизировать не получится.

Бочкин всегда действовал прямолинейно и нагло — в этом было что-то, впитанное им еще в детстве, когда, блуждая среди разгоряченных тел российских отдыхающих, он втягивал им вареную кукурузу.

— Зачем меня верифицировать? Я не хочу. Меня вполне все устраивает, — вздыхала Аделия.

Но Бочкин был непреклонен:

— Вот скажи, Макс, как бы ты отнесся, если бы я тебе предложил проверить твою гипотезу у профайлера? — настаивал он, растолкав супругов и рассадив по разные стороны стола, чтобы не отвлекались.

— Скептически.

— Вот! — Бочкин указал на него пальцем, осуждающе потряс им перед носом приятеля. — А если бы я сказал, что этот человек никогда не ошибается и имеет попадания десять из десяти? А?!

Макс в самом деле задумался: в его практике не раз случались расследования, когда гипотезы рассыпались одна за другой и приходилось снова и снова возвращаться к началу, пересматривать материалы дела, изучать протоколы, заново опрашивать свидетелей и искать, искать, искать... И если бы ему шепнули, что есть человек, который видит насквозь, использовал бы он эту возможность? Пожалуй, что да, использовал. Пусть даже в порядке бреда. А уж после можно перепроверить и подвести под нее доказательственную базу. И идея перестает быть бредовой.

Он посмотрел на Аделию — та сидела напротив, скрестив руки на груди. Рыжие волосы рассыпались по плечам, усиливая ее сходство со средневековой ведьмой.

— Тимур дело говорит...

Бочкин как само собой разумеющееся кивнул:

— Потому что я всегда ставлю себя на место своего оппонента: что сделал бы я, если бы... был тем самым преступником, или подростком-бегунком, или вором, или вот... следяком из главка, — он кивнул в сторону Макса. — И мой опыт подсказывает, что надо точно понимать твои сильные стороны.

Аделия прищурилась: забота Бочкина напоминала дележку шкуры неубитого медведя.

— А с чего ты вообще взял, что у меня есть эти сильные стороны? Может, все предыдущие разы я всего лишь пальцем в небо попала?

Бочкин просиял:

— Вот чтобы в этом не сомневаться, нам и нужна верификация!

Макс смотрел на него без иронии:

— И как ты собираешься это сделать?

С того дня он приносил Аделии «головоломки», как он их называл: фабулы давно раскрытых и завершённых дел с ответом, известным ему одному. Сперва это были дела из его прошлой работы следователя сочинского управления следкома, потом — малоизвестные дела из учебников по криминалистике и уголовному процессу. Усаживался напротив Аделии, вручал ей распечатку фабулы, фотографии с места преступления, зарисовки, схемы отхода преступников — все то, что обычно известно следователю, работающему с материалами. И просил ответа на один и тот же вопрос — кто это совершил.

Аделия хмурилась, отпиралась и отказывалась проходить «тестирования», спорила, что это бесполезно и все равно никому не нужно. Страдальчески смотрела на Макса:

— Я уже и так почти всех клиенток растеряла с такими вывесками, — она кивнула на золотую табличку на своей двери, привинченную Бочкиным несколько месяцев назад. «Профайлер Аделия Мило», — вот что на ней значилось.

Бочкин отрезал безапелляционно:

— Найдутся новые. Не отвлекайся, Аделия Игоревна!

И Аделия под внимательными взглядами обоих мужчин соглашалась, снова и снова делая расклады на Таро, снова и снова задавая один и тот же вопрос: кто совершил это деяние?

И у нее стало что-то получаться. Сперва она стала замечать многозначительные взгляды, которыми обменивались Макс с Бочкиным, хмурую морщинку на переносице Макса, его удивленно-внимательный взгляд...

Она начинала понимать, что говорят ей карты. Те самые, старые, что подарила ей простая уличная цыганка много лет назад: она стала понимать их сбивчивый шепот.

Сегодня Бочкин принес очередную загадку. дождался, пока Аделия уложит спать дочку, разложил перед ней серию фотографий исчезнувших девочек, каждой лет по пятнадцать. Белокурые, ясноглазые, улыбочивые.

— Они исчезли в одно время с интервалом от двух до шести дней. Между собой не знакомы, но к моменту исчезновения находились примерно в одном месте. Скажи, что с ними, у них общая судьба или их исчезновения не связаны?

Аделия долго изучала портреты. Долго держала в руках колоду — до тех пор, пока та не нагрелась от тепла ее ладони, не стала легкой, словно перышко. И только тогда вытащила из колоды и разложила карты. Мгновение на раздумья, и она смешала их, бросив на Бочкина сердитый взгляд.

— Я вижу здесь ложь, — она толкнула ногтем карту с потемневшим ликом.

Тимур сощурился:

— И кто же здесь лжет?

— Ты, — Аделия посмотрела на него строго. — Эта карта лежит в основе расклада, на месте сигнификатора, то есть вопрошающего!

Бочкин бросил восторженный взгляд на Макса:

— Не, ты слышал это, а?

Аделия устало прикрыла глаза, помассировала виски:

— Ребят, слушайте... это ребячество какое-то. Я устала, очень... Устала от этих проверок, тестирований, вечных ожидающих взглядов... — Она отвела руки от лица, посмотрела на мужчин. Сперва на Бочкина, потом — на мужа. — Давайте так, откровенно. Я сама не верю в то, что могу каким-то образом помочь следствию. Не верю, что смогу правильно прочитать и истолковать расклад. И не потому, что я не уверена в своих силах, не в этом суть. Я не хочу давать напрасную надежду, понимаете? Это не шутки, не любовные интересы или козни соседки по лестничной площадке, это реальные трагедии, за которыми стоят реальные люди.

Она поднялась.

— Давайте на этом закончим. Ты, Тимур, можешь заниматься своей детективной деятельностью, а я займусь своей эзотерикой. Без убийств, маньяков и похищений.

Она отвернулась и отошла к окну.

Мужчины переглянулись, но молчали долго — не сговариваясь, они решили дать Аделии возможность отдышаться и прийти в себя. Первым заговорил Бочкин.

— Ты все верно заметила, я лжец. В очередной раз я проверил тебя, подложив среди материалов дела улики, к нему не относящиеся. Это я вел дело о похищении этих девочек, еще когда служил в Сочи. Все пятеро отдыхали в соседних санаториях... Ну, знаете, наверное, у нас вдоль всей береговой линии такие стоят. Все пятеро — с родителями. Все из благополучных семей.

Он дотронулся до первого снимка.

— Вот эта девочка исчезла первой. Еще в июне. За ней остальные, с интервалом в два-шесть дней. Искали маньяка. Перепроверили местных. Так сказать, и родных, и приезжих, отдыхающих. Ничего, никаких следов. У кого-то железное алиби, большинство привязать к исчезновению никак не получалось без тела и, соответственно, характерного почерка преступника. Девочки отправлялись гулять по территории санатория — там был общий парк на несколько учреждений — и не возвращались. Я лично опросил всех сотрудников тех санаториев. — Бочкин заметно нервничал, говорил отрывисто, всецело завладев вниманием Аделии и Макса. Оба слушали его с настороженным интересом.

Бочкин помолчал.

— И что же с ними стало? — Аделия стояла перед ним, обнимая себя за плечи. Руки подрагивали. — Ты нашел их?

Тимур кивнул.

— Когда-то эти санатории стояли на балансе серьезных министерств, там все содержалось в идеальном порядке. А потом... наступили иные времена, коммерческая необходимость, экономическая целесообразность, эффективность и прочее-прочее. Ограждения территорий парков сдали на металлолом. Во время дождей подмыло грот, под плитами образовалась сквозная щель, карман, заполненный водой. Первая девочка провалилась в него и там утонула, не смогла выбраться. Вторая, вероятно, заметила что-то, полезла и тоже сорвалась. Не знаю, медом там им, что ли было намазано, или тайные свидания устраивали с кавалерами? Пятую нашли там же, у нее сердечный приступ случился, она полненькая была, застряла. И кричала, так что спасти ее удалось. И вот что удивительно, подростки пропадали, обыскивали всю территорию, каждый сантиметр. И ничего не находили, представляете?! До этого самого момента. При этом служащий, который отвечал за безопасность этой территории, как потом оказалось, знал о размытой дождями расселине, сообщил директору, тот решил, что денег на это пока нет. Велел повесить табличку, что грот закрыт и на этом все. Когда пропала первая девочка, никому не признался, боялся увольнения. — Бочкин отстраненно нахмурился. — Сказал бы, может, и не было этих трупов...

Аделия кивнула на шестой снимок:

— А шестая?

Бочкин отмахнулся:

— А, это и есть моя ложь, которую ты увидела. Шестой снимок — просто фото из интернета, к делу никакого отношения не имеет.

— Получается, ложь служащего здесь тоже актуальна, — отметил Макс. — И она в основе преступной халатности, если бы служащий сразу сообщил о деформации грота, больше бы никто не погиб.

Он перевел взгляд на Аделию. Та молчала.

Бочкин собрал фотографии.

— Вот поэтому я и говорю — нужна верификация. Чтобы и ты поняла про себя все, и мы могли на тебя полагаться. — Он покосился на нее строго: — Вот не сбросила бы расклад, могла бы сейчас проанализировать.

— Я и так его отлично помню, — Аделия закусил губу.

Макс поднялся подошел к ней со спины и обнял за плечи. Уткнулся в рыжую, пахнущую облепихой, макушку.

— Ты все делаешь правильно, — прошептал он. — И сомневаешься тоже правильно. За это я тебя и люблю.

— За сомнения? — молодая женщина положила затылок на грудь мужа.

Тот наклонился и чмокнул ее в щеку:

— За то, что думаешь.

Бочкин за их спиной проворчал, собирая свои вещи:

— Все, лобзайтесь, голубки, а я работать пойду, у меня еще назначена встреча...

— Так поздно? — Аделия покосилась на него, чуть высвободившись из объятий Макса.

Тимур Альбертович мрачно хмыкнул:

— Город засыпает, просыпается... детективное агентство «Тайны.нет».

Через неделю Бочкин явился в кабинет Аделии, но не один, а с блондином невнятного вида: невысоким, щуплым, невзрачным и совершенно незапоминающимся ровно до того момента, как с ним встретишься взглядом — цепкий и внимательный, он не отпускал.

— Игорь Максимович, — коротко представился он, без приглашения усаживаясь в кресло напротив.

И окинул Аделию взглядом, на пол-мгновения задерживаясь на броских серьгах, браслетах и серебряном кольце с этническим узором.

Уголки губ дрогнули в едва заметной улыбке.

Аделия вопросительно посмотрела на Бочкина. Тот спохватился, представил спутника:

— Терехов, Игорь Максимович, следователь районного следкома. Расследовал дело об исчезновении Виктории Бондарь.

Аделия сложила руки перед собой:

— Чем могу быть полезна?

В глазах Терехова мелькнуло любопытство с примесью недоверия.

— Тимур Альбертович рассказал мне о вашем методе... — начал он.

Аделия проглотила раздражение, губы сомкнулись в напряженную линию.

— Боюсь, он поторопился. Никакого метода еще нет, он на стадии тестирования, так это называется, Тимур Альбертович?

Терехов подался вперед.

— Он предупредил. Но... — он прищурился, подбирая нужное слово: — любопытство не отпускает.

— Понятно, — Аделия вздохнула, бросила на Бочкина испепеляющий взгляд. Достала из верхнего ящика стола закутанную в темный бархат колоду Таро. Взяла в руки. — Что вам любопытно узнать?

Это была особенная колода — потемневшая от времени, с потрескавшимися рубашками и почти стертыми названиями. Аделия знала их по памяти, так долго она изучала эту колоду, так долго пыталась «приручить». Она появилась у нее случайно, когда гадание на картах уже стало ее профессией и приносило первый несмелый доход. На Арбате ей встретила цыганка, лукаво улыбнулась и выхватила из толпы. И со словами «Тебе нужнее» оставила в руках сверток. Аделия не хотела брать, на мгновение только растерялась. И этого мгновения хватило,

чтобы цыганка растворилась в толпе, словно ее никогда и не было. Сейчас, спустя столько лет, Аделия уже и сама не была уверена, что та цыганка ей не приснилась.

Карты сперва молчали. И что только Аделия не делала с ними, как не пыталась разговаривать, очистить — всякий раз упиралась в глухую непробиваемую стену. Отчаялась и просто вечерами держала их в руках. Сперва поймала себя на ощущении легкости, которое оставалось после таких вечеров. У нее словно крылья за спиной вырастали, а голова становилась ясной, просветленной. Тогда же карты заговорили с ней на непонятном ей языке. Тихо и неразборчиво. Аделия раскладывала их перед собой и вглядывалась в рисунки: на золотом фоне изящные образы с тонкими запястьями и лебедиными шеями.

Задания Бочкина оказались по плечу только им.

Терехов привстал, вытянул шею:

— Позвольте посмотреть?

— Не позволю, — осадила его Аделия. Следователь медленно вернулся в кресло. — Это мой инструмент. С ним работаю только я... — Она перетасовала колоду. — Так что вас привело ко мне?

Терехов откашлялся.

— Есть три подозреваемых, все три не имеют алиби, все три имели мотив и возможность совершить деяние. Я хочу, чтобы вы мне дали ориентир, на что опереться, чтобы выяснить, кто из них лжет.

Аделия усмехнулась:

— Лгать они могут все вместе по совершенно разным поводам, не связанным с преступлением. Например, кого-то покрывать, или считать, что своим молчанием исполняют перед кем-то долг.

Терехов кивнул.

— Переформулирую, вы правы. Спрошу корректнее: что мне укажет на преступника?

Аделия склонила голову к плечу, еще перетасовала колоду, уже с прозвучавшим над ней вопросом. И принялась открывать карты, одну за другой, размещая их на столе в одной ей понятной последовательности.

— Эти трое, они связаны родством, верно?

У Терехова чуть приподнялась бровь:

— Верно. — Он покосился на многозначительно молчавшего Бочкина.

— Старший из них знает, кто совершил преступление и почему. И ему очень жаль, что так вышло. Жертва... Она нехорошая была, злая, и преступление в отношении нее стариком не воспринимается как грех. А потому он будет молчать.

Она вытянула из колоды еще несколько карт.

— Два других... Они почти ровесники. Один, цельный и стремительный. Второй порывистый и эмоциональный.

Она не видела, как Терехов незаметно кивнул Бочкину. Она продолжала слушать карты.

— Тот, что старше, все придумал. Второй — воплотил в жизнь.

Она подняла глаза на Терехова. У него взгляд стал внимательным и тихим. Помолчав, он проговорил:

— Вы все верно сказали. Жертва — довольно неприятная женщина, вторая супруга отца и мачеха его сыновей. Ее обнесли мошенники три недели назад, заставили перевести все личные сбережения и отдать ювелирные украшения. — Он откинулся на спинку и усмехнулся: — А ведь интересно получается. Она присвоила себе украшения матери своих пасынков. Те разработали схему и вернули себе то, что считали своим по праву... А старик, получается, все в самом деле знает. Вот жуки!

Бочкин выглядел довольным, улыбался победно.

— И что я тебе говорил?!

Терехов в задумчивости кивнул.

— Да нет, на самом деле, Аделия Игоревна сказала очевидное, но суть в том, что она не знала нюансов. И вот это-то как раз и достойно восхищения.

Аделия собрала карты.

— Что вы собираетесь делать?

— Ну, вы мне предложили гипотезу, которую следствие пока не отработывало, о соучастии всех троих фигурантов. Буду переводить ее в процессуальную плоскость, и начну с блефа... Дам понять каждому, что кто-то из них уже прокололся и сознался. И начну, пожалуй, с младшего. Вы правильно отметили, он порывистый и эмоциональный, он сорвется.

Бочкин понимающе кивнул:

— Доказать, что старший все спланировал и организовал будет о-чень трудно, Игорь Максимович.

Терехов поднялся:

— Ничего, справимся. То, что существует в сети, оставляет цифровой след: переговоры, локации, сообщения на телефонах. Финансовые следы опять же: приобретение оборудования, оплата счетов. Да и сами украшения не иголка в стоге сена, всплывут. Если они им так дороги, значит, они их не продали и не переплавили. Значит, лежат где-то, ждут меня.

Он пожал руку Бочкину. Повернулся к хозяйке кабинета и протянул руку ей. Девушка подала, рассчитывая на деловое рукопожатие, привстала. Терехов галантно коснулся губами костяшек ее пальцев.

— Я впечатлен, Аделия Игоревна... Тимур Альбертович, на связи!

И стремительно покинул кабинет.

Аделия сложила и убрала карты. Бочкин какое-то время молчал в задумчивости. И, наконец, проговорил:

— А ведь вы готовы, вы и ваш метод...

Она этого не ощущала. И готова была поспорить, если бы не аудиосообщение от воспитателя из садика дочки: «У Насти температура поднялась, можете ее забрать?»

Аделия торопливо собиралась:

— Тимур Альбертович, я хотела бы устроить вам выволочку за ваши покровительственные интонации, но у меня заболела Настюша, и мне некогда. — Она уже натягивала кардиган. — Но как только это станет технически возможно, я вас придушу! Обещаю!

Настюша всегда болела с размахом. Если поднималась температура, то сразу под сорок градусов. Если начинался кашель, то почти мгновенно перерастал в бронхит. Насморк становился проклятием. Кишечная инфекция могла свести с ума.

Вот и сейчас, когда Аделия торопилась в детский садик, она не знала масштаба катастрофы, и поэтому готовилась к худшему: пролистывала на ходу сайты аптек и откладывала в корзину препараты, которые у нее закончились, но могут еще пригодиться. Сердце билось тревожно.

Она набрала номер мужа, уже заранее зная, что рассчитывать на него точно не стоит: по сложившейся за годы его службы семейной традиции всякий раз, когда заболела дочь, у него случалось серьезнейшее расследование. Она это называла «закон подлости». Вот и сейчас, руководствуясь этим законом, Макс был не на связи.

— Кто бы сомневался! — Аделия пожалала плечами и активировала запись голосового сообщения. — Макс, Настюша температурит, еду забирать ее из садика. Если получится, приезжай быстрее... На ужин, видимо, пельмени.

Она нажала «отбой» и посмотрела в окно — там, в мелькании тоннеля метро на нее смотрела яркая рыжеволосая женщина с усталым и встревоженным взглядом.

«Он сказал, что я готова... мой метод работает», — отвлеченно подумала, заглядывая в закоулки собственной души: сама-то она что чувствовала? Похвала Бочкина была приятной. Да и на Терехова она произвела впечатление. И Макс, даже зная обо всех ее терзаниях, уверял, что метод рабочий.

— Не уверен, что я бы опирался на него официально и ждал от тебя заключения, но в качестве свежего взгляда со стороны — почему нет, — говорил он.

Аделия в такие минуты верила ему — в самом деле, почему бы и нет. Но что-то сидело внутри, терзало и заставляло озираться по сторонам всякий раз, когда она слышала похвалу в свою сторону. И, заглянув к собственным страхам и сомнениям, она натыкалась на снисходительную усмешку сестры Татьяны («Тоже мне работа — быть гадалкой»), восторг племянников («Наша тетка настоящая ведьма!») и грусть в глазах отца («Не о том я мечтал для тебя»). И последнее было тяжелее всего.

Она была младше Татьяны. Ее жизнь родители продумали заранее: где будет учиться, на кого, когда выйдет замуж. Идеальная картина мира, в которой Аделии отводилась роль прилежного и безропотного экспоната. Первый удар их постиг, когда вместо юридической карьеры дочь выбрала психфак.

«Что это за работа такая, психолог? — ворчал отец. — Это на Западе, вон, у психологов штаны просиживают, а у нас лучший психолог — кухня».

И в этом он оказался прав — предложений интересной работы было не так, чтобы много.

Родители предложили второе высшее образование.

Вместо этого Аделия отправилась на стажировку в Сорбонну и вернулась оттуда с целой коробкой дипломов, сертификатов, а также с репутацией гадалки и ясновидящей в пятом поколении. Последнее было, конечно, исключительно рекламным ходом. Она открыла свой салон магии, окончательно разочаровав родителей. Особенно отца — узнав о бизнесе дочери, тот поджал губы и ушел. Уже более семи лет они общались только через маму.

Обида засела глубоко, царапала горло. Тоска поднялась, затопила знакомой горечью. Отстраненное «и папа тоже поздравляет», когда родилась Настюша, пожалуй, стало той самой последней точкой, за которой Аделия потеряла надежду на одобрение. И спрятала ее куда-то глубоко, откуда та сейчас смотрела на нее безнадежно-голубыми глазами и дышала ледяным холодом.

И вот сейчас оказалось особенно трудно о нем забыть. Особенно трудно — почти невозможно поверить в себя.

— Ты просто слишком много о себе рассказываешь, — смеялась сестра Аделии, Татьяна, — слишком сильно допускаешь в свою личную жизнь. Вот я, замужем в третий раз, а они все еще думают, что я с первым мужем. А все почему? Потому что они были на первой свадьбе, а остальные уже прошли мимо них. Так, статистическая погрешность.

Аделия только качала головой.

Выходя из метро, снова проверила мобильный — Макс не перезванивал и не вышел на связь.

— Ну, все понятно, — вздохнула Аделия и направилась к детскому садику.

Глава 2

Заглянуть

— О, и ты здесь? — Саня Нефедов, оперативник из Главка, заметив Макса, широко улыбнулся. Подошел, пожал руку.

Тот повел плечом:

— Да черт его знает, шеф велел посмотреть... Чутье у него, видите ли.

Нефедов понимающе кивнул и отвернулся. Макс догадался:

— Что, сильно дерьмово?

Саня скривился, отвел взгляд:

— Дерьмовее некуда. Труп пролежал в подвале как минимум три дня. Мягкие ткани повреждены грызунами... — Он выразительно приподнял брови и вздохнул.

— Я-ясно, — протянул Макс и направился к подвалу. — Кто сейчас дело принял?

Нефедов шел за ним.

— Николаев из областного СК. Знаешь его, может, пересекались раньше?

Макс отрицательно тряхнул головой — Николаева он не знал.

— Вроде нормальный мужик, — уклончиво заключил Саня. — Тело обнаружили местные пацаны, эти гаражи они облюбовали еще весной. Гоняют во-он там, — он указал рукой за деревья, — по просеке на мотоциклах, а здесь у них что-то вроде рембазы. Помещения, что поближе, используют, в остальных хлам всякий. По понедельникам и вторникам у них здесь тихо, гонки в пятницу и в выходные. Вот, значит, в четверг они тут и нарисовались. Привлекла вонь. Они сперва шуганулись, хотели сбежать и никому не говорить, но потом сообразили, что чем дольше тело пролежит, тем сложнее будет доказать, что это не они грохнули...

— Правильно подумали, — Макс задержался у входа, перевел дыхание — глупая привычка: никаких легких не хватит, чтобы не дышать.

—... и вызвали полицию.

Саня толкнул его локтем, протянул респиратор. Продолжил доклад:

— Женщина 20-25 лет, без документов, личность установить пока не удалось. Лицо почти полностью съедено крысами, так что... — он развел руками. — Но криминалисты работают.

— Время смерти, получается, ориентировочно понедельник?

Нефедов согласился:

— Пацаны здесь до полуночи точно тусовались, потом стали разъезжать по домам. У них во-он в тех зданиях, — он указал рукой на соседние строения. — К трем часам утра разошлись последние. Уходили группами, никто в одиночку тут не оставался, так что у всех имеется алиби. Но мы его, само собой, еще проверяем, — дополнил он, заметив порыв Макса возразить.

Тот коротко кивнул и вошел внутрь.

Сладковато-терпкий, гнилостный запах, смешанный с вонью мочи и экскрементов, обволакивал плотным облаком, забивался в ноздри. Макс физически ощущал, как пропитывается вонью, как она проникает в структуру волос, одежды, как забивается в легкие. Он остановился на мгновение, откашлялся. Саня деликатно отвернулся, дал ему время адаптироваться.

— Все нормально, — прохрипел Макс и направился по коридору, туда, где горели проектора и двигались длинные тени.

У тела работала группа криминалистов вместе с дежурным районным следователем, выехавшим на место преступления первым. В отличие от майора Александрова, он ни маской, ни спецкостюмом не пренебрег, и теперь возвышался над присевшими на низких стульчиках криминалистами, словно снежная глыба. На шорох у себя за спиной оглянулся, заметил Нефе-

дова и самого Макса, кивнул обоим. Пристроив ручку, которой вел протокол, за ухо, он протянул ему ладонь:

— Приветствую. Николаев, Иван. Вы тут какими судьбами?

Макс пожал протянутую руку.

— Вам, что ли, дело отпишут? — поинтересовался следователь.

Макс развел руками.

— Не возражаете, если я тут посмотрю? — спросил он у следователя: пока дело не передали в центральный аппарат, главным на месте преступления был именно Николаев, и Макс не собирался нарушать субординацию.

Но областной следователь, скользнув по лицу Макса, пожал плечами:

— Да ради Бога.

Макс перевел мрачный взгляд на распростёртое в луже чего-то зловонного и темного тело. Лицо оказалось обезображено до неузнаваемости: глаза выедены, нос и губы частично отсутствовали, на щеках — глубокие укусы с обнажением костей лицевой части черепа. На шее — глубокая, от уха до уха, рана, в которой виднелись позвонки и хрящи гортани. Грудная клетка и живот тоже сильно повреждены, часть мягких тканей выедены. Концевые фаланги нескольких пальцев отсутствовали, на ладонях — укушенные раны. В немилосердном белом свете было видно, как в открытых ранах копошатся личинки.

— Н-да, — протянул он. — Скажете что-нибудь интересное?

Это он уже спросил у криминалистов. Старший эксперт обернулся к нему:

— Мышцы дряблые, конечности легко двигаются, трупное окоченение разрешилось более сорока часов назад. Трупные пятна перешли в стадию имбибиции, цвет темно-бордовый, при надавливании не бледнеют. Многочисленные опарыши в естественных отверстиях — нос, рот, раны. Личинки длиной до 5–7 миллиметров. Все это говорит о том, что смерть наступила порядка двух с половиной-трех суток назад. Большинство ран нанесены посмертно грызунами... Их тут немало. Но если вы спрашиваете об интересном, то на данном этапе скажу, что смерть девушки наступила в результате острой массивной кровопотери вследствие повреждения магистральных сосудов шеи... Ей перерезали горло. Хотя вскрытие может что-то иное показать.

Эксперт дотронулся до рваной раны на шее, приоткрыл ее. Макс почувствовал кислый привкус во рту и сглотнул порыв рвоты. Откашлялся в кулак. Криминалист тем временем обстоятельно продолжал:

— Несмотря на значительное повреждение тканей и расширение раны — грызуны забираются в такие раны в первую очередь — на хряще и позвонках сохранились отметины, которые могли быть нанесены ножом. Рана большая, ориентировочно десять-двенадцать сантиметров длиной, с обильной кровопотерей. Решающее ранение выполнено одним сильным движением, предположительно, охотничьим ножом, с большой силой. Убийца — физически развитый мужчина, по анатомическому углу удара можно предположить, что ростом он около 175–180 сантиметров. Смерть наступила здесь. Тело не перемещалось.

Макс скользнул взглядом по темным разводам на стене рядом с трупом.

— По личности убитой можете что-то сказать?

— Есть несколько татуировок приметных, на плече. Они оказались нетронутыми, — криминалист пожал плечами. — Опять же платье дорогое, возможно, дизайнерское.

Он задумался:

— Что еще? На теле множественные ножевые порезы, следы от ожогов. Часть ран, нетронутых грызунами, имеет прижизненный характер. — Он поднял глаза на Макса, перевел взгляд на Терехова и на Нефедова. — Жертву пытали перед смертью.

— Сексуальное насилие?

Криминалист пожал плечами:

— Пока сложно сказать. Следы борьбы смазаны посмертными повреждениями. Под ногтями могли бы сохраниться следы чужого эпидермиса, но ногтевые пластины сгрызены...

Он озадаченно пожал плечами. Макс старался смотреть мимо трупа и не заострять внимание на запахе, который, казалось, прочно проник под одежду и впитался в кожу.

— И между тем проверьте в складках кожи генетический профиль, не совпадающий с ДНК убитой. — Попросил. — И еще: обратите внимание на наличие крысиных экскрементов и следов зубов на костях, чтобы в протоколе чётко разделить зоны предположительно прижизненных повреждений и посмертных изменений, вызванных грызунами, хорошо?

Он сделал шаг назад — хотел осмотреться.

— Не возражаете, Игорь, я тут похожу немного? — спросил у следователя.

Терехов равнодушно скользнул по нему взглядом, вернулся к заполнению протокола. Внимание Макса привлек золотой блеск рядом с трупом, под волосами. Макс присел и пригляделся:

— А это что такое? — Он попросил пинцет и вытянул из грязи монету. Медную, изрядно потертую, десятирублевую монету. Макс упаковал ее в пакет для вещдоков и сфотографировал. Передал криминалисту. — Отправьте ее в ЭКЦ¹ в первую очередь. Проверьте, не фигурировала ли такая в других делах, особенно с ножевыми ранениями.

— Надеешься, что монета выпала из кармана убийцы? — поинтересовался Нефедов, когда они, наконец, вышли на свежий воздух.

Макс глубоко дышал, надеясь избавиться от трупного запаха. Нефедов достал из бардачка своей машины пластиковую бутылку с водой и передал ему. Макс открутил крышку. Прежде чем выпить, прополоскал горло. Плеснул на лицо и руки — бесполезно: эта вонь будет с ним еще какое-то время. Въедливая, зараза.

— А черт его знает, на что я надеюсь, — отозвался он мрачно и достал из кармана вибрировавший от сообщений мобильный. — Ты пока поищи девушку с татуировкой на правом предплечье среди заявлений о пропаже, обрати внимание, чтобы она отправилась на свидание или вроде того — платье больно приметное для простой прогулки.

Активировав экран, прочитал, что звонила Аделия. От нее же были сообщения: дочка заболела. Мысль о том, чтобы по дороге заехать домой и переодеться, отпала сама собой — не хотелось будить дочь и супругу. Тем более что он знал, с каким азартом болеет Настюша.

Ему же предстоял долгий вечер и не менее долгая ночь: зайти к шефу, выяснить, отписывают ему это дело или как. И если да, то оформить передачу дела, собрать первичные материалы, назначить экспертизы. Дело вырисовывалось нелегким — предстояло и личность убитой устанавливать, и дифференцировать повреждения, и установить ниточки, которые могли привести к убийце.

¹ Экспертно-криминалистический центр МВД России

Глава 3

После ухода Терехова и побега Аделии домой Бочкин долго оставался в тишине собственного кабинета. Просматривал полицейские сводки до тех пор, пока глаза не стали слезиться. Выпил кофе. Пока пил кофе, просматривал соцсети. Подумал, что пора завести аккаунт и продвигать агентство через него. Идея ему понравилась, он прикинул, что можно было бы постить, какой контент взять. Понял, что многое из реальной жизни полицейского или следователя не рассказать: если одна часть защищается законодательством о тайне личной жизни, другая запрещена цензурой. «Залип» на коротких видео. Посмотрел новости. Набрал номер супруги:

— Как самочувствие? — он закинул ноги на угол стола, расслабленно улыбнулся.

Нина ждала дочку. Врачи обещали, что через пару месяцев родится. Нина уже страдала отдышкой, ворчала, что он отвлекает ее от сборов в роддом, и требовала, чтобы он отправлялся работать.

— Или ты думаешь, что я тут сидеть буду с детьми, пока ты в Москве прохлаждаешься? — говорила она. — Не угадал!

Тимур принялся оправдываться, что работает. Супруга все равно не верила.

Вот и сегодня вместо приветствия Нина проворчала:

— Опять бездельничаешь?

— Нет заказов, — честно признался он.

Дела его детективного агентства, в самом деле, шли пока весьма скромно: за исключением нескольких действительно серьезных дел, он занимался розыском сбежавших любовников и котов, а также сбором документов. Пару раз ему не заплатили. Еще пару раз гонорар он не взял. В итоге — съемная комната и никаких гарантий.

— Ты просто плохо ищешь, — отметила Нина и вздохнула, усаживаясь в кресло.

— Как сын?

— Да что с ним станет?! Растет сорвиголовой. Вчера подрался с Мишей из шестого дома. Сегодня уже вместе с тем же Мишей устроили разборки с пацанами с соседней улицы... — она отмахнулась.

Бочкин улынулся: истории о том, какой сын шалопай, его отчего-то радовали. Значит, парень не растет маменькиным пирожком.

— А сама как?

Ее голос изменился.

— Тяжко, Тимур, — она тяжело вздохнула. — У нас уже жара, ноги стали отекают. Жду не дожусь, когда рожу.

Он рассмеялся:

— В прошлый раз ты так же говорила, а потом вспоминала ночки спокойные, халву и пряники, которые ты уплетала.

Нина рассердилась:

— Ой, все, иди работай! И помни, на роды я тебя жду!

Она первой положила трубку. Тимур нахмурился — он не представлял, что ему делать на родах и зачем супруга такое придумала. Но спорить сейчас было бесполезно. Поэтому он надеялся на удачу — что приехать на роды он объективно не успеет.

В кабинет постучалась секретарь, Таисия. Заглянула:

— К вам пришли, Тимур Альбертович. Просят принять без предварительной записи. Вы сможете?

Бочкин торопливо убрал ноги со стола, смахнул с темного лака налетевшую с ботинок пыль.

В кабинет вошла пожилая, небогато одетая дама. Синее платье, которое ей не шло, не покрашенные у корней каштановые волосы и траурная скобка на неулыбчивом лице.

— У меня только на вас надежда! — с порога запричитала женщина.

Ее звали Людмила. Пять лет назад у нее умер сын, тогда пятнадцатилетний подросток.

— Приехал в деревню, к матери моей, на лето. Что там произошло, так никто и не знает. Только сказали, будто он пятерых своих приятелей убил, а потом со страху и себя порешил. А я знаю, не убивал он никого! Витенька и мухи не обидит. Оговорили его, а местная полиция делать ничего не желает!

У Бочкина свело скулы от досады: пять лет прошло. Что уже можно найти, что доказать? Тем более с его полномочиями частного сыщика.

— Почему же вы именно сейчас ко мне обратились?

Она достала из потрепанной временем сумки необъятного размера сложенную вчетверо газету:

— А вот почему.

Бочкин развернул: с первой полосы на него смотрела фотография шестерых подростков — две девушки, четверо парней. Под снимком стоял заголовок: «Недоброе наследие наших мест».

Бочкину достаточно было бегло просмотреть статью, чтобы понять, как неизвестный журналист откровенно высасывал проблему из пальца, на ходу придумывая выводы из давно известных фактов. Гибель подростков наступила пять лет назад, летом. Все шестеро были знакомы между собой — вместе отдыхали на летних каникулах. Их тела обнаружены на старой мельнице — там, на пентаграмме, нарисованной поверх муки. Журналист считал, что подростки пали жертвой неумело организованного сомнительного обряда.

— Черт знает что такое, — проворчал Бочкин.

— И я о том же! — всплеснула руками Людмила. — Ну умерли ребята, столько лет прошло, оставьте их в покое, дайте родственникам жить. Но нет, все норовят залезть и покопаться в прошлом своими лапищами!

Бочкин отложил газету:

— Что конкретно вы от меня хотите?

— Чтобы вы разобрались, чтобы подтвердили: не было никакого обряда, и Витя мой никого не убивал! Я заплачу. Я перебралась в деревню, в материнский дом. А квартиру в городе продала, зачем она мне, одной, без Вити? Вот. Так что я все расходы покрою. Только разберитесь, что там произошло, верните доброе имя моему мальчику!

Глава 4

Установить личность убитой оказалось не таким уж сложным делом: из числа заявлений о пропаже Нефедов выбрал те из них, в которых искали пропавших молодых девушек 20-28 лет с темными волосами. Из них выделил те, которые совпадали по примерной дате убийства, добавив несколько дней — убитую могли какое-то время удерживать в плену. По оставшимся заявлениям осмотрел особые приметы, почти сразу натолкнувшись на нужную — татуировка на правом предплечье. С профессиональной фотографии на него презрительно смотрела эффектная брюнетка: ярко накрашенные губы, чуть оттопыренная попка, едва прикрытая вызывающе коротким мини.

Саня набрал номер Макса:

— Синицына Дарья Ивановна двухтысячного года рождения, — без приветствия сообщил он. — Пропала шесть дней назад. Заявление от ее родной сестры, Алены Ивановны Синицыной, зарегистрировано во вторник. Записал?

— Записал... Что еще в заявлении?

Нефедов пробежал глазами загруженный в базу документ.

— Подробностей Алена Ивановна не знает, они расстались в пятницу, после завершения стрима...

— Блогерша, что ли?

Нефедов пожал плечами:

— Ну, получается так... Со слов заявительницы, Дарья обычно звонила сама, когда возникала необходимость. Но тут не звонила. Алена спохватилась в понедельник, когда заметила, что сестра не появлялась в сети и что не разместила оговоренные рилсы. Консьерж подтвердил, что с вечера субботы, Дарью не видел.

— Ясно-понятно. Что по особым приметам? Татушка?

Невидимый Саня Нефедов кивнул и угукнул:

— Есть такая. Фоточка девушки к заявлению приложена, татуировка имеется. Похожа.

— Так, Саня, ты дуй по ее адресу, надо изъять записи с камер видеонаблюдения: когда она из дома выходила, с кем, во что была одета...

— Не учи ученого, — пробормотал Нефедов.

— Это я не тебе, это я себе, чтобы не забыть, что с тебя спросить, — отрезал Макс.

Учитывая состояние трупа, опознание вряд ли что-то даст. Значит, придется опираться на экспертное заключение, а пока искать ниточки к пропавшей девушке. Он продолжил:

— Еще потребуется биллинг сотового телефона пропавшей и аккаунтов, но это я уже коллег из отдела «К» подключу, если следователь, которому это дело сейчас отписали, еще не сделал этого.

Нефедов хмыкнул: работать с молодым следователем-важняком было интересно. С одной стороны, он ощущал свой собственный опыт, с другой — азарт майора Александрова. Оперативник уклончиво отозвался:

— Отсталый ты человек, Максим Александров...

— Чего это вдруг? — обиделся Макс.

— А то, что сидишь в своем кабинете, жизни не видишь, за последними скандалами не следишь... А между тем блогерское сообщество уже кипит, возмущается и поднимает массы против нерадивых следственных органов.

Макс поморщился — только этого еще не хватало.

— Что, сильно крупная блогерша?

— Не то слово, почти два миллиона подписчиков.

Макс присвистнул. Саня продолжал, уже искренне сочувствуя и себе, и Максу. Себе, правда, больше.

— Да не свисти ты, денег не будет. Там эта Алена, заявительница и сестра, уже бучу подняла, что блогерша пропала, а полиция еще ничего не предприняла, вертолеты с собаками по следу не пустила. Так что готовься, мой шеф твоему уже позвонил и о найденном трупе поинтересовался.

— Черт...

— Согласен, — Саня вздохнул и пожелал товарищу нескучной ночи.

Макс отложил телефон, задумался. Как следователь по особо важным делам российского следственного комитета, Макс вел особо сложные, резонансные дела, которые попадали в их ведомство. Объединять материалы дела пока рано, теоретически, дело могут отписать следователю областного управления, который уже начал расследование исчезновения блогерши. Но если то, что сказал Саня Нефедов, — правда (а Макс в этом не сомневался), то ему первым и достанется.

Худшие предположения сбылись уже через пятнадцать минут, когда Макс малодушно убегал из кабинета и уже собирался запереть его. Звонок из приемной начальника заставил его остановиться и снять трубку.

— Думал: неужто ты, Максим Иванович, уже ушел, — саркастически хмыкнул Иван Евсеевич. Максу иногда казалось, что у руководителя имелись глаза и уши в кабинете Макса, так остро он чувствовал, когда подчиненный расслаблялся и отвлекался. — Зайди ко мне.

Макс взял папку с текущими делами, чтобы заодно подписать парочку постановлений и не ждать шефа утром с планерки. Направился в приемную.

Иван Евсеевич с мрачным видом просматривал что-то на мониторе, из динамиков лился возмущенный девичий голос, щедро одобренный нецензурной бранью. Парочки фраз Максу хватило, чтобы сообразить — говорила та самая Алена, сестра пропавшей блогерши.

— Слышал? — поинтересовался Иван Евсеевич, останавливая запись.

Макс кивнул, мысленно поблагодарил Саню Нефедова за наводку и предупреждение.

— И что думаешь? Ты садись, в ногах правды нет, — Берестов кивнул на стул. Сложил руки на животе и приготовился внимательно слушать.

Макс откашлялся:

— По вашему поручению на место обнаружения сильно обезображенного трупа близ СНТ «Кристалл» выехал, в осмотре участие принял. Криминалист предварительно заявляет, что возраст трупа — порядка трех дней, смерть наступила в результате с резаной раны на горле. По предварительным данным, женщину пытали перед смертью. Документов при убитой не обнаружено, но имеется приметная татуировка. По ней выделено одно из заявлений о пропаже, надо провести проверку.

Иван Евсеевич кивнул на молчащий монитор:

— Вот это твой труп, судя по всему. Ее сестрица... — он горестно вздохнул. — Дело уже стало резонансным, руководство отписало его нам. Принимай.

Макс коротко кивнул.

— Что делать думаешь?

— Сперва устанавливаю связь между пропавшей девушкой и обнаруженным телом. Там сильно обезображено крысами лицо, так что смысла назначать опознание не вижу. Назначим генетическую экспертизу.

Иван Евсеевич кивнул. Макс продолжил:

— Пока готовится экспертиза, буду восстанавливать последний день пропавшей: с кем встречалась, что делала, куда перемещалась. Запрошу биллинг ее телефона, подключу отдел «К» — выгрузить все контакты, переписки, геолокацию за последний месяц. Параллельно запущу семантический анализ комментариев и личных сообщений для выявления возможного круга подозреваемых. Как-то так пока...

Берестов кивнул:

— Держи меня в курсе, а то, боюсь, нервишки нам с тобой потреплют изрядно.

Глава 5

Село Садовое находилось в двадцати километрах от столицы. Когда-то оно было небольшим, почти опустевшим, но столица разрасталась, прирастала многочисленными кооперативами и садовыми товариществами. А с того момента, когда в садовом доме при определенных обстоятельствах стало возможным получить постоянную прописку, разрослось быстро, с размахом.

Сейчас село входило в состав Москвы и насчитывало сорок восемь дворов в центральной части и четыре садовых товарищества по окраинам. В каждом — по сотне хозяйств, не меньше.

Село стояло особняком, отгороженное от шумной трассы лесополосой, в которую заглядывали разве что грибники.

Уединенное место. В таком может что угодно произойти.

Бочкин, прибыв на автобусную остановку, припарковал свой автомобиль и огляделся. Территория двух товариществ выглядела новоделом, дома там еще строились. Но, возможно, что-то уже было пять лет назад. Надо уточнять.

Еще больше предстояло уточнить про центральную часть селения — кто жил, куда переехал. В таких делах не стоит пренебрегать даже незначительными ниточками, крохами сведений, которые могут дать верное предположение.

«Хотя-я, — мысленно простонал Тимур Альбертович, — одними предположениями сыт не будешь».

Ему, в самом деле, предстояла непростая задачка — мало того, что выяснить обстоятельства смерти шести человек пятилетней давности, так еще и собрать из них убедительную базу. Настолько убедительную, чтобы следствие возобновилось по вновь открывшимся, а по сыну клиентки вынесли оправдательное заключение, исключив из числа подозреваемых. В идеале — найти настоящего убийцу. Желание раскрыть то, что столичные следователи не раскрыли, конечно, подкидывало дровишек в костер амбиций бывшего сочинского сыщика, но реализм их хоть немного, но охлаждал: «висяки» раскрывались крайне редко.

Он вышел из автомобиля, вдохнул полной грудью пряный хвойный воздух, чуть смягченный запахом теплого торфа и болота — эти запахи вплетались в общий фон откуда-то издавна, явно принесенные ветром. Здесь было очень тихо, уютно. Усыпанная гравием дорога вела к воротам садовых товариществ. Над центральной площадью возвышалась островерхая церквушка, недалеко от нее, за сквером из розовых кустов, светлело белеными стенами здание поселковой администрации. Напротив него, по правую руку от Бочкина, местный торговый центр: двухэтажное здание с затемненными стеклами и яркой вывеской. На первом этаже разместились продуктовый супермаркет, на втором — промышленные товары. Бочкин лениво прочитал: «Стройматериалы», «Люстры», «Одежда» и «Канцелярия». Собственно, на этом все. А, да, к торговому центру пристроилось небольшое здание, по виду бывший гараж, в котором соседствовали сразу два популярных маркетплейса.

Что еще надо человеку для счастья? Была б его воля, Тимур Альбертович предпочел бы тоже жить вот в такой же тишине, когда выходишь с чашечкой кофе с утра, и ничего, кроме песни соловьев, не слышишь!

Бочкин вздохнул — он бы и своей семье хотел нечто подобное для постоянной жизни. Но Нина не соглашалась — из-за детей, которых надо «развивать», как она выражается: школа, кружки, секции и прочее. Ну, пока у них один ребенок, но второй вот-вот родится, и его тоже надо будет «развивать». Нина считала, что без этого современному ребенку нельзя. По мнению самого Бочкина, она просто наслушалась всяческих блогеров. Но как бы то ни было, садиться за руль и заниматься развозом детей по школам, садам, секциям супруга не хотела. Собственно, это и стало одной из основных причин, почему Нина отказалась переезжать с ним в столицу.

Тимур Альбертович предполагал, что в глубине души его жена надеялась, что он наиграется в столичного сыщика и вернется домой, в Сочи. Где все устроено, где уютная квартира, все под рукой. Летом море, зимой – горы. Тимур Альбертович понимал, что возвращаться в Сочи не станет. Для себя он давно решил — не задается работа частного детектива, вернется в следственный комитет.

В новый торговый центр он заходить не стал, как и в здание администрации.

Пройдя вдоль центральной улицы, традиционно для небольших населенных пунктов называвшейся именем Ленина, он заметил крашеный синей краской магазинчик. Потертый временем, с ухоженным газоном и пышными пионами у аккуратной скамьи, именно такой ему и был нужен.

Он зашел внутрь.

Как он и ожидал, немолодая пышногрудая продавщица скрывалась где-то в подсобке,отреагировала на короткую трель колокольчика на входе.

— Ща подойду! — выглянула и снова спряталась в подсобке.

Бочкин огляделся.

В отличие от модных супермаркетов, здесь торговля велась через прилавок. Выставленные по периметру зала стеллажи и холодильные камеры позволяли разместить на них самое необходимое, и вдобавок давали возможность пообщаться с продавцом. Радость, которую не упустят одинокие пенсионеры и старики.

Ну, или вот такие любопытные, как Бочкин.

Продавщица показала, наконец, из-за занавески.

— Выбрали что-нибудь?

Бочкин выбрал воду без газа для себя, и, чтобы задобрить хозяйку зала, конфеты подороже. Подарит их Аделии, женщины любят сладкое, а коллега по детективному агентству что-то в последнее время была им недовольна.

Продавщица вручила ему товары, пробила через кассу.

Бочкин оплатил.

— И что, бойко у вас тут торговля идет?

Продавщица посмотрела на него с подозрением:

— А вы с какой целью интересуетесь?

— Да не, — Бочкин рассмеялся, — я вам не конкурент и палки в колеса ставить не собираюсь. Так, любопытство мимокрокодила.

Женщина смерила его презрительным взглядом, который советовал ему «мимокрокодилить» и дальше, но вслух уклончиво отозвалась:

— По-разному бывает.

Бочкин с благодарностью кивнул. В прежние времена, когда продавцы в таких магазинчиках были царицами небольших сел, регулируя и процессы закупок, и праздники односельчан, пышногрудая продавщица его послала бы куда подальше. А вот сейчас нет, клиентоориентированность в ней победила. Бочкину это оказалось на руку.

Он ослепительно улыбнулся.

— Подскажите, вы ведь наверняка здесь уже не первый год работаете, насколько тихое и приятное это место на самом деле? А то риелторы наплетут, знаете ли...

И он многозначительно приподнял бровь.

История с риелтором неожиданно откликнулась у продавщицы.

— Да жулье они все! Им бы лишь втюхать вам залежалый неликвид. Вот у меня племянница...

И она поведала Бочкину душеспасительную историю приобретения выморочного жилья, того самого, которое отходит в собственность государства в случае отсутствия у умершего собственника родственников. Ясно, что жилье такое имеет изрядное количество долгов, да и

выглядит потрепанным. Оттого и стоит ниже рыночной стоимости. Так что возмущение племянницы продавщицы Бочкин понимал, но не разделял — за все надо платить.

— Квартиру эту приватизировали и быстренько на торги выставили, — причитала женщина. — Риелтор справочку приложил, что чисто все. Племянница моя и купила квартиру-то, ремонт сделала. А потом — хоп — и наследники объявились! И давай Альбинку-то мою выселять.

Бочкин сочувственно поцокал языком, да, такое тоже случается.

— И что? Там же суд наверняка был...

Женщина всплеснула руками:

— Так само собой, суд. Да только суд на сторону родственников этих и встал.

Бочкин пожал плечами: неизвестно, какие там еще были обстоятельства, о которых продавщица или не знает, или не говорит. Но вслух посоветовал:

— Можно оспорить. Если суд допустил какие-то ошибки, то обязательно разберутся.

Женщина утерла слезу, отмахнулась:

— Да делаем, конечно, но столько нервов. Столько... А ведь если бы риелтор не заверил, что юридически жилье чистое, Альбинка-то моя и не влезла бы.

— Тут довольно сложно что-то сказать, — вздохнул Бочкин, — на момент выдачи правового заключения ситуация была одна, а то, что появились родственники, как предусмотреть? Если время прошло, все надлежащие мероприятия по розыску проведены, никто не найден...

Продавщица посмотрела на него с подозрением:

— А вы что, юрист, что ли?

— Детектив. Частный сыщик, — Тимур Альбертович достал из внутреннего кармана визитку, положил на прилавок.

Женщина подцепила картонку, поднесла к глазам. Тонко брови приподнялись от удивления.

— Надо же, как в фильме голливудском?! — она с интересом уставилась на Бочкина, уже забыв о только что произошедшем разговоре и своих подозрениях. — Ни разу не видела!

Бочкин развел руками, будто позволяя себя рассмотреть. Тихо рассмеялся:

— Если вы еще ни разу в своей жизни не встречали настоящего частного детектива, то это означает, что вы можете считать себя счастливым человеком: вам некого подозревать в измене, некого разыскивать, некого обелять или очернять. — Он оперся о край прилавка, скользнул взглядом по бейджику, закрепленному на нагрудном кармане продавщицы. — Послушайте, Милена, а вы давно здесь в поселке работаете? Наверняка ведь всех знаете?

У женщины разгорелись любопытством глаза. Она кивнула.

Тысячарублевая купюра легла перед ней на прилавок.

— А могу я вам несколько вопросов задать?

Купюра исчезла в кармане продавщицы.

— Задавайте.

— Пять лет назад, в конце лета, в этом селе подростки были убиты. Помните такое?

Женщина кивнула. Ее лицо округлилось и побледнело от возбуждения. Бочкин продолжал:

— Вы помните, при каких обстоятельствах это случилось?

— Так это, — женщина моргнула, — вот это товарищество начинало только строиться...

Она кивнула влево, где находилась огороженная красным кирпичным забором территория. Женщина продолжала, постепенно входя во вкус:

— Еще даже огородки не было. Только грязюку развезли, кирпич, опять же, доставили. Местные пацаны со всей округи там тусовались, то в войнушки играли, то просто всякой ерундой занимались. Днем-то строители их гоняли, а вечерами кто их прогонит? Старый сторож Василич, что ли?

— Василич — это кто?

— Дмитрий Васильевич Заводский, бывший связист, кажется. В афганскую войну контуженный, с тех пор-то и прихрамывает. Ну и выпивает в последнее время, как жена-то ушла от него...

— Он жив? — Бочкин достал из кармана блокнот, подробности семейного положения сторожа его не сильно интересовали. — Где его можно найти?

Продавщица кивнула:

— Здесь живет, в конце улицы, дом с синей кровлей. Беленый... Не пропустите, он крайний стоит...

— Хорошо, — Бочкин записал.

— Ну так вот... И эти шестеро, значит, облюбовали эту стройку. Как строители разъезжаются, так и они туда лезут. И вроде как игра у них какая-то была, что-то по книге или фильму какому, не знаю, не скажу вам подробнее. Да только кто-то там из них свихнулся, и своих дружков-то и порешил. А потом и сам того... — она выразительно присвистнула.

— Что «того»? — сделал вид, что не понял Бочкин.

Женщина округлила рот, подалась вперед:

— Себя порешил... со страху.

— А чего ж он испугался?

— Да кто ж его знает!

Бочкин снова открыл блокнот:

— А как звали ребят, помните?

— Элка Родович, красивая такая... Мать у нее в местной школе работала тогда, сейчас-то уехала. Отец погиб, давно. А может, и не было никакого отца, — махнула рукой продавщица. — Самвел Одоян, глазастый такой, высоченный, волейболом, кажется, занимался. Витя Морозкин, этот из местных был, из соседнего поселка, в шести километрах отсюда. У него вроде как любовь была с Элкой, к ней на велике и катался... Ну и докатался...

Это был сын клиентки. Бочкин прищурился, нарисовал стрелочку от его имени к имени Эллы и поставил сердечко со знаком вопроса. Это предстояло уточнить и выяснить.

— А еще кто?

— Так, — женщина задумалась. — Осип Васильев, он из компании самый старший, школу как раз закончил, в институт поступил... что-то с приборостроением. Серьезный парень, но мрачный какой-то. Все ко мне за сигаретами заходил. Еще двое, Герман... фамилию не помню... и Алла не то Столкина, не то Стопкина, снимали здесь дачу с родителями. Приезжали каждое лето, так что тоже, считай, свои.

Она всхлипнула, потом вздохнула.

— Я думаю, Осип...

— Это тот, что самый взрослый из них?

— Да, — женщина тряхнула кудряшками, — думаю, он их в какую-то секту и втянул.

— Секту? — это было что-то новенькое. Бочкин заинтересовался.

— Секту, да... Там, где их тела нашли, вроде бы начерчено на полу было что-то. Пен-такль какой или вроде того. И выложено камешками. А по углам, значит, тела их... И Витя Морозкин, значит, в центре.

Бочкин насторожился:

— Это вы откуда такие подробности знаете? На месте преступления были что ли?

— Да ну, упаси Боже страсть такую смотреть. Я ж говорю, что *думаю, как оно там было*... А как оно там было, это только следователь знает.

— Как его звали, кстати, не помните? — Бочкин вычеркнул то, что начал записывать за продавщицей, но потом, подумав, слово «секта» все-таки вернул, обвел овалом.

— Следователя-то? — она нахмурилась, вспоминая. — Не помню. Средних лет такой, видный, из Москвы приезжал.

— Ясно. — Бочкин предположил, что следователя окажется сложнее всего отыскать. — Помните что-то еще? Может, вечером накануне что-то примечательное произошло? Или через день после?

Женщина пожала плечами:

— Да шут его знает... столько лет прошло, уже всего-то и не упомнишь. Погода теплая стояла. Ребята эти чуть не до утра на стройке бывали. Мать Эллы ее искала с фонарем, кликала, значит. Она и нашла их. — Продавщица горестно вздохнула. — А что еще было, не знаю... Вы у нашего участкового спросите, Ивана Иваныча, он с этим делом-то поближе знаком. Он уж на пенсии скучает, с удовольствием с вами пообщается. Вы ему только сигарет купите хороших, — она кивнула на стойку с сигаретами. — И там закуски какой. Он колбаску вот эту, краковскую, любит. Как пенсия приходит, так за ней является.

Продавщица покраснелась.

Бочкин узнал, где найти участкового, оплатил продукты для подкупа старого милиционера и направился к его дому, надеясь узнать более подробные сведения.

Глава 6

Как и сказала продавщица, дом участкового Бочкин нашел быстро.

Приземистый, аккуратный и обстоятельный, он выдавал в своем хозяине человека со скромным достатком, но требовательного к себе и чисто плотного. Трава перед крыльцом оказалась скошена, завалинка окрашена, цветы в самодельных клумбах — высажены. В теньке сохли доньшками вверх трехлитровые банки, готовясь к очередной партии засолок на зиму. Под навесом, деловито помешивая варево на электрической печке, стоял и сам хозяин.

Если бы Бочкин не знал, что перед ним бывший милиционер, все равно не спутал бы коллегу ни с кем: стоило ему толкнуть калитку, как его царапнули быстрым оценивающим взглядом и отпустили — подозрения он не вызвал.

— Доброго денечка, Иван Иванович! — Тимур Альбертович остановился у крыльца, позволяя разглядеть себя внимательнее.

— Добрее видали, — проворчал старик. Достав из кастрюли малиновую от варева ложку, он осторожно коснулся ее морщинистыми губами, прищурился и кивнул самому себе. Добавив еще немного сахара, помешал и отряхнул руки. Перевел взгляд на гостя: — А ты чего там толчешься? Иди сюда, коли приперся.

И махнул к себе. Сам уселся верхом на стул, развернув его задом наперед, Бочкину предложил деревянную лавку.

Тимур Альбертович поставил на стол угощение.

Молча сел. Уставился на хозяина.

Тот вытянул шею, оценил покупки, усмехнулся:

— Миленка, небось, взятку предложила?

— Она самая, — Бочкин не стал отпираться.

И снова замолчал. Он уже видел, как любопытство разгорается во взгляде старика, как с губ не сходит ехидная ухмылка.

С удовлетворением крякнув, дед поднялся, придвинул к себе нож, отрезал щедрый кусок колбасы и поделил его на несколько толстеньких кружков. Достал из пакета хлеб. Придвинул к гостю.

— Ну, угощайся, раз принес...

Бочкин взял кружок колбасы, хлеб. Сотворил нехитрый бутерброд. Откусил.

Дед наблюдал за ним. Не торопил. Но и к угощению не притрагивался. Ждал.

Бочкин доел.

— Я по делу к вам, Иван Иванович.

Тот подпер голову кулаком:

— Говори свое дело.

Поднялся, еще раз помешал варенье. Снова попробовал. На этот раз остался доволен. Сел.

— Пять лет назад здесь убийство произошло.

У старика потемнело лицо.

— Если ты приперся, чтобы меня опять под монастырь подвести, да расспросами взбаламутить, то вали отсюда. Забирай свою колбасу и вали.

Бочкин откашлялся, и, ясное дело, с места не тронулся.

— Ко мне обратилась мать одного из погибших тогда подростков, Людмила. Она хочет найти настоящего преступника.

— А ты кто, чтоб его найти? — дед с подозрением прищурился.

— Я частный детектив. Бывший сыщик...

Дед пригляделся к нему внимательнее, усмехнулся:

— Ишь ты... Диковинка какая к нам забрела. — Он потянулся за колбасой, прогнал от нее муху. Подумал и взял кружок колбасы, отправил в рот. — И чего ж тебе надо от меня, детектив? Сам же, небось, знаешь, что такие дела — не моего уровня.

— Ну вы же были на месте преступления...

— Был.

— И материалы наверняка хорошо помните...

— Помню, — старик кивнул и отправил в рот второй кружок колбасы, на этот раз с небольшим кусочком хлеба, который он отломал.

— Расскажите, что тогда произошло.

— А кто дело вел, помните?

— Так из управления следователь приезжал. Андрей Андреевич Игнатьев. Серьезный такой, грамотный. Меня быстро на место поставил и задвинул, чтобы под ногами не мешался, — он почесал кончик носа.

Бочкин склонил голову к плечу:

— Ну, все равно, как без участкового? И опросить вас должны были, и к розыску привлечь...

— Да чего там привлекать... — он отмахнулся. — Там, в общем-то, все ясно было.

Настала очередь Бочкина прищуриваться недоверчиво.

— Да ла-адно, — протянул он.

Старик полоснул его взглядом:

— Прохладно... Говорю же. — Он соорудил себе бутерброд, но не откусил его, отложил на угол стола. — Вечер уже поздний был, ветреный. Мать одной из девочек, местная учительница, ко мне постучалась, мол. Дочка отправилась гулять, да до сих пор не вернулась. Ну, я ее сперва отметелил, что беспокоит по пустякам, думал — дело молодое, лето, ухажер, опять же, к ней мотается из соседнего поселка. Да больно страшно смотреть на нее было, отправились искать. И, ясное дело, в первую очередь, на стройку пошли... Ребята эти, они шалопутные были, но не отмороженные. Ну так, мелкое хулиганство какое совершат, окно разобьют. Ну, подерутся с кем из местных... А так особо проблем от них не было. Я просто уверен был, что дочка учительницы на свиданье с парнишкой своим загуляла. Так, для успокоения мамыши отправился. Она с одной улицы, я по параллельной двинулся.

Ну, она до того дома первой и добралась. Что там ее привлекло, не знаю, а только полезла она внутрь. Я уж ее крик услышал, прибежал.

— И что увидели?

Старый участковый нахмурился. Помешал еще свое варенье, выключил плиту.

— Дом черновой, значит. Стены возведены, кровля. Окон и дверей еще нет. Лестница приставная на второй этаж стояла. Вот туда-то они и залезли.

Он тихо выругался, отвернулся.

— На полу пентаграмма начертана мелом. По ее углам — пять тел. И в центре, значит, шестой труп. Перед ним — раскрытая книга с магическими заговорами и прочей хренью. Раскрыта на странице «совершение жертвы ради удачи в делах». И расписано что там и как делать, что говорить. И выходило, что все в точности так и сделано. Только в книге указано, что в качестве жертвы — самое важное, что есть у загадывающего. А тут трупы.

Старик помолчал. Глубоко вздохнул.

— И как расположены были трупы, помните? — Бочкин достал из кармана блокнот, ручку, протянул старику.

Тот покосился на это, но не притронулся.

— Я вот что тебе скажу. — Он помолчал. — Я тоже не верю, чтобы этот пацан, Витек, мог такое сотворить. Он нормальный был, говорю ж. Да и видел я, как на девочку эту, Эллу, он смотрел. Не мог он с ней такое сотворить.

Бочкин слушал и мрачнел. Оказалось, трупы пяти подростков были сильно обезображены. Их не просто убили, их мучили перед смертью. У девочки, дочери учительницы, семнадцать мелких ножевых ранений, помимо смертельного. И у остальных так же.

— А Витя сам как умер?

— Обставлено все было так, будто он на лезвие сам и упал. Да только не мог он. Тут я с его матерью соглашусь.

Бочкин понимал ее, хотя за свою практику повидал всякого. Встречалось и такое, когда милейший и добрейший человек, выпив лишнего и употребив чего незаконного, превращался в зверя лютого, ни семью свою, ни близких не узнавал. И такое творил, о чем потом, очнувшись и протрезвев, и помыслить не мог. Спросил он об этом и участкового.

— А что биохим экспертиза, в крови у парня ничего не нашла?

Участковый покачал головой:

— Как мне известно — нет. Списали на секту какую-то.

— А он был ее адептом? Откуда такая информация?

— Вроде нашли у него дома какие-то книжонки. Не знаю, мне не докладывали.

Помолчали.

— А вот вы сказали, что по хулиганке компанию эту гоняли. Что они вытворяли? Конкретнее, вспомните.

Участковый отмахнулся:

— Да там, мелочь всякая... Из самого серьезного, помню, бомж у нас к поселку прибился, по домам ходил, попрошайничал. Так вот взяли они себе за забаву отбирать у него мелочь, да выбрасывать. Гоняли бомжа этого по стройке, было дело. Он дурачок был, все хвастался, что дом у него есть, сын, жена, только не помнит он, где. Врал, конечно... От тоски да от одиночества не такое придумаешь... Я за то их за уши оттащал, да родню на разговор вызывал для разъяснительной беседы.

— Разъяснили?

Участковый кивнул:

— А то как же... работа у меня такая. Бомжа того, правда, убили. Может, если бы не остановил пацанов, как те его достали, так ушел бы из поселка да жив остался... — Иван Иванович горестно вздохнул.

Бочкин замер.

— А когда это было? Ну, история с бомжом?

— Да давно, за год до того случая.

— И кто убил, выяснили?

Участковый покачал головой:

— Не-а. Там следы от протекторов были. Видать, бандюки какие. А дурачок наш им и попался под горячую руку.

— И как убили?

— Избили сильно, да зарезали... — он вздохнул. — Да давно это было.

Бочкин медленно кивнул. Но пометку в блокноте все-таки сделал. На странице появился большой знак вопроса.

— Иван Иванович. Скажите, если предположить, что ребята себя убили не сами, кто тогда мог это сделать?

Старик воздел руки к небу:

— Тут уж увольте. Напраслину на людей возводить не стану. Нормальный у нас народ в деревне живет. Я, считай, каждого с пеленок или около того знаю. Как институт закончил, как распределили меня сюда, так и живу тут, на земле. Все мне как родные.

— А чужой кто, появлялся?

Старик осекся. Отвел взгляд, задумался. Посмотрел на Бочкина внимательно и хмуро:

— Видать, хороший ты сыскарь был... — пробормотал, пожевав губы. — Твоя правда, за день до смерти ребятишек, приезжал к нам в деревню хмырь один. Все вынюхивал, по улицам ходил, приглядывался. Встанет посреди улицы и рассматривает дома, не то в окна заглядывает, не то поджидает кого. Я его к себе подозвал и давай пытаться, мол, кто такой да зачем, да к кому. А тот говорит, дачу, мол, себе присматривает. Только чтоб село непьющее было.

— Вы ему и рассказали про всех, верно? — прищурился Тимур.

— Верно, — участковый кивнул. — Потому что я каждого...

— С пеленок знаете, это я помню. А как выглядел хмырь, помните?

— Да чего ж не помнить, вот как тебя и видел его. И описание следователю дал. И фоторобот составили, все чин-чинарём, — сварливо отметил дед. — И номерок машины срисовал! Бочкин склонил голову к плечу:

— А раз так, то и сейчас наверняка помните, как он выглядел. Приметы, может, особые?

Участковый на уловку не клюнул:

— Не было никаких примет особых. Высокий, вот что ты ростом. Русые волосы с сединой. А возраст молодой, если по лицу смотреть. Может, лет тридцать или около того. Сероглазый. Челюсть такая квадратная, чуть выступает.

— И что, нашли?

Бывший участковый спрятал ухмылку, прищурился.

— Нашли! Алиби у него было, железное. Он в момент убийства магазин грабил, гадёныш! С добром и взяли его, он пристроить не успел. А ведь каким соловьем заливался, даже меня вокруг пальца обвел, паразит. На вид — добрейшей души человек, а он вон какую подлянку мне на участке подложил! Я ему, получается, сам же наводку и дал. Эх!

Старик сокрушенно покачал головой. Бочкин озадаченно подергал мочку уха.

— Выходит, присматривался, что ограбить?

— Выходит, что так! — старик вздохнул и поднялся. — После того случая, как подростки-то померли, поселок у нас сильно изменился. Многие уехали, не захотели жить здесь. Я их понимаю...

Он собрал пенки с подстывшего варенья, отбросил в приготовленную для них тарелку. Покосился на Бочкина:

— Но больше ничего плохого не происходило. Ни краж, ни разбоев. Тихо-мирно. Оно и потихоньку забылось все. Вот только журналисты вынюхивают, нет-нет да и всколыхнут воспоминания в погоне за сенсацией. Но я тоже понимаю, работа у них такая...

Он посмотрел на Бочкина:

— Чаю будешь? Не одной же колбасой питаться...

Подкрепившись жареной с салом картошкой да малосольными огурцами, Бочкин разомлел. Грешным делом решил в машину вернуться да вздремнуть часок. Но одернул себя, потому что непрофессионально это.

«Еще непрофессиональнее нажраться до отвала у опрошенного свидетеля», — мстительно пристыдил себя, но тут же успокоил: свидетель был бывшим коллегой, да еще и к разряду подозреваемых никак не мог перейти. Значит, и разговор их за опрос почти не считается.

Оправил рубашку. Потянулся.

Ехать в следком и искать следователя Игнатьева — поздно. Да и идти к нему надо с полной картиной в голове, чтобы заранее знать, что спрашивать, что уточнять. Он, Бочкин, прекрасно понимал собственное место — к расследованию его теперь подпускали на птичьих правах. Согласится встретиться — и то хорошо.

Выходило, что надо это место еще осмотреть.

Сверившись с записями в блокноте, он направился к коттеджному поселку: дом, в котором пять лет назад произошло убийство, по сведениям все того же Ивана Ивановича, так и стоял нетронутым. Ни строители, ни собственники не желали к нему прикасаться. Заперли, загородили высоким забором и до поры до времени забыли. Пока страсти не улягутся.

А страсти никак не укладывались. Или им намеренно кто-то не позволял улечься. Например, кто-то, кто хотел участок с почти достроенным домом задарма взять. Может, оттого и находились резвые журналисты и то и дело раскапывали почти забытое дело.

«Вернее всего, так и есть», — решил Бочкин, подходя к автоматическим воротам из темно-зеленого сайдинга.

Рядом с ними проступали калитка и округлость дверного звонка. Тимур Альбертович нажал на него. Тут же из динамика послышался скрип и грохот:

— К кому? — рывкнуло из динамика.

Бочкин, признаться, к такому повороту оказался не готов: в родном Сочи коттеджные поселки не напоминали неприступные крепости. Пришлось импровизировать:

— Доставка в седьмой дом.

Он прислушался. Замок на воротах скрипнул, и те отъехали в сторону.

Бочкин проскользнул внутрь и сразу направился к домику охранника. Тот выскочил навстречу.

— Эй, мужик, ты чего?! Здесь охраняемая территория, пошел вон!

— Кем охраняемая? В связи с чем охраняемая? — Бочкин расправил плечи, сомкнул брови. — На каком основании?

Охранник смутился. Озадаченно окинул взглядом фигуру Тимура Альбертовича.

— Так это...

— Начальство на месте?!

Вот это была чистая авантюра. Как показывал опыт, охранники на таких объектах были людьми безропотными и тихими, а вот начальство у них должно быть зверское. И те не пустили бы Бочкина дальше порога. Так что, спрашивая о начальстве, он надеялся, что время уже было вечернее, и администрация коттеджного кооператива должна была отчалить домой.

Бочкин прищурился в ожидании. Охранник обернулся, почесал в затылке.

— Так уехал он. Вот минут тридцать, как уехал. Вызвать?

Бочкин выдохнул с облегчением: ему сегодня везло.

— Не надо. Я пока с неофициальным запросом. Может, на нем и остановимся. На кое-какие мои вопросы ответишь, шефу скажешь, что вопрос закрыл, он еще тебе спасибо скажет и премию выпишет...

«Это вряд ли», — подумал Бочкин.

Охранник с готовностью кивнул.

Тимур Альбертович отошел к домику охранника, доверительно взяв того под локоть.

— Что у вас тут за бедлам происходит, скажи?

Тот ошарашенно вылупился. Бочкин неопределенно кивнул в сторону:

— О вас в газетах пишут, типа у вас на территории убийство произошло.

— Так это когда было?! — прошептал охранник. — Да и дело закрыли. Мы-то что?

— А то, что какого беса вы всякий сброд на территорию пускаете? В недавней статье журналист и фотки того дома показал. Откуда они у него?!

— Да кто ж его знает? Они ж, журналисты, пронырливые, мало ли у кого взял. Может, гость к кому приезжал, может, вообще в интернете просто что-то сваял.

Бочкин будто бы задумался, почесал подбородок.

— А вот это я не подумал. Ну-ка, давай сверимся, — он достал из кармана сотовый и открыл в галереи фото дома, которое ему недавно прислала супруга. Показал охраннику.

Тот обрадовался:

— Не этот! Говорю ж, не этот!

— Да ну... Покажи, — Бочкин повелительно кивнул.

Охранник не спорил:

— Сейчас, напарника только предупрежу.

Бочкин мысленно присвистнул: это у местных олигархов по двое охранников в смену! А со стороны-то и не скажешь. Он окинул взглядом черепичные крыши ближайших домов. Модные, с красивыми арками и вторым светом, утопающие в цветущей зелени. Но не сказать, чтобы умопомрачительно дорогие.

Бочкин пожал плечами: может, и нет никакого напарника.

Охранник вернулся, повел Бочкина по дороге вглубь участка. Вдоль дороги высились невысокие канадские елочки, розовые кусты и лилейники. Пахло мокрой землей и сладко, до одури — цветами.

— Хорошо тут у вас, — втянул носом воздух. — Тихо.

— И то верно. У нас тут тихо. Потому сюда и едут, чтобы тихо было. Так что мы кого попало на порог не пускаем, дорожим репутацией.

«Да уж», — Бочкин покосился на охранника.

— И что, сколько у вас охранников в смене?

Тот смутился. У него покраснели уши.

— Так я один и есть. Я тут и живу в сторожке.

Бочкин кивнул — все ясно, никакого напарника нет. Пазл сложился.

Они подошли к огороженному сеткой-рабицей участку, зажатому между двумя другими, в дальнем конце. Справа от него стоял игрушечный на вид брусовой двухэтажный дом с верандой и сиреневыми кустами под окнами. Слева — роскошный особняк из розового камня, вплотную прилегавший к пустующей территории.

— Вот, видите, иначе дом-то тот выглядит.

Бочкин огляделся: пять лет назад здесь, наверняка, было самое темное и нелюдимое место. Розовый особняк еще не строился — иначе проектирование на участке соответствовало бы санитарным нормам и надлежащему отступу от забора. А тут кто-то строился, ясно зная о произошедшей трагедии и рассчитывая, что дом будет пустовать всегда.

«Вот и нашелся подозреваемый», — кивнул он собственным мыслям и перевел взгляд на пустующий дом.

Собственники поселка, очевидно, надеялись его продать. Поставили окна, сделали отделку. Даже дорожки к дому провели. Только это не помогло, дом смотрел черными глазницами окон на улицу и выглядел устрашающе. Невысокий. Серый. И какой-то сутулый.

— Странный дом, — отметил Бочкин.

— И то верно, странный. Зачем его такой строили, ума не приложу. Первый этаж шестьдесят восемь квадратов, и второй — сорок. Минус хозчасть, бойлерная и прочее. Жилых метров-то раз-два и обчелся. Я б в такой ни за какие деньжищи не въехал, хоть с покойниками, хоть без.

— А что, дорого просят за него?

— Да тридцать лямов!

Бочкин присвистнул и посмотрел на дом новым взглядом: все новые публикации о нем определенно возникают неспроста.

На балконе розового особняка показалась дама в розовом пеньюаре. Придирчивым взглядом осмотрела Бочкина и прикрикнула:

— Алексей, с кем это вы там разговариваете?!

Охранник сразу стушевался, залебезил:

— Да вот, с проверкой к нам прибыли...

— С проверкой?! — дама в розовом порозовела, у нее загорелся взгляд.

Бочкин приготовился подыгрывать охраннику. Чуть поклонился:

— Так точно.

Дама в розовом засуетилась:

— Ох, как это вовремя... Подождите, я сейчас спущусь! — и она исчезла за балконной дверью.

Тимур Альбертович поинтересовался:

— Кто такая? Чего от меня хочет?

— Илона Марковна, местная знаменитость, бывшая актриса на содержании банкира Еремина, слышали о таком? — быстро, пока хозяйка особняка не вышла, пояснил охранник.

Бочкин кивнул.

— Ну так вот. Банкир себе новую пассию нашел, лет на тридцать себя моложе. А Илону нашу сюда поселил. Сперва приезжал. Да уж недели три как не показывается... Может, в отъезде, конечно. Черт их разберет.

— Коттедж в его собственности?

Охранник отрицательно покачал головой:

— На нее записан. Что-то вроде компенсации, — охранник криво улыбнулся. — Только при Илоне Марковне этого не говорите, глаза выцарапает. И вообще, про олигарха не упоминайте, если жить хотите.

Жить Бочкин хотел.

— Ясно, — он кивнул. — И чего ждать от нее.

— А шут его знает, чего она возбудилась... Вон, чешет уже, — охранник ссутулился и сделался еще незаметнее, шагнул назад. — Пойду я.

Бочкин не стал возражать.

Дама в розовом — Илона Марковна — выглядела дамой экзальтированной и романтической, несмотря на свой не самый юный возраст. Ей было меньше шестидесяти, но явно больше тридцати. Точнее, за слоем косметики и косметологических добавок было невозможно установить. Выскочив на крыльцо, она помахала Бочкину рукой, приглашая в дом.

Тимур шагнул на дорожку из розовой — как и следовало ожидать — плитки, по направлению к розовым же вазонам с пионами. Подавил тоску, вспомнил о банкире Еремине — надо будет посмотреть, что за мужик на такое клюнул — и шагнул на крыльцо. Приложился к протянутой для поцелуя ручке.

— Тимур Альбертович, — представился он, в который раз порадовавшись своей биографии и чувству юмора собственных родителей. — Чем могу быть полезен?

— Пойдемте! — Дама принялась затягивать его в душно-розовое нутро своего гнездышка. Бочкин, вдохнув полной грудью, решился, нырнул и выдохнул с облегчением: внутри дом оказался идеально-белым.

Дама лукаво прищурилась:

— А вы, никак, думали, что встретили престарелую Барби?

— Ну что вы, какую «престарелую», — запротестовал Бочкин.

Дама отмахнулась, будто не слышала его:

— Нет, розовым цветом надо пресытиться в юности, чтобы к сорока он окончательно выветрился из твоего гардероба. Ну, разве что оставить его для будаурного настроения!

Она проводила его в гостиную, обставленную изысканно-сдержанно в золотисто-молочные цвета. Устроилась напротив.

— Рассказывайте, что вас привело к этому ужасному дому.

— Ужасная слава о нем, конечно.

Илона Марковна закатила глаза.

— Как я и думала. Грек — это наш председатель, фамилия у него такая, — упирается. А я ему говорю разобрать надо это убожество. Построить что-то путное. Или продать участок.

Бочкин зацепился за нужную мысль:

— А кто вообще такой неказистый дом проектировал?

— Так хозяин и проектировал! Тут же часть собственников была с самого начала, с момента выделения участков под строительство. Вот он как раз и был из их числа.

У Бочкина вытянулось лицо:

— У этого... изделия имеется автор?

Илона смерила его подозрительным взглядом.

— Будто вам это не известно.

— Я честно думал, что это какой-то самострой.

— Ну, глупости, — Илона взяла из вазочки леденец, отправила его в рот. Мечтательно прищурилась: — Есть своя прелесть в моем возрасте, можно, наконец, не переживать о лишнем весе... И зачем же вы сюда явились? Уж не затем ли, чтобы посмотреть на этот дом в целях покупки.

Бочкин не стал отпираться.

— Вы правы. Меня привлекла та статья о нем, что вышла недавно. Стало интересно, зачем кто-то ворошит его прошлое.

— Вы тоже журналист?

Бочкин кивнул:

— Можно сказать и так.

Илона протяжно вздохнула.

— Вы правы... Меня эта история тоже занимает. Дело давно минувшее, но раз в год о нем кто-то вспоминает.

— Я, признаться, решил, что кое-кто таким образом пытается сбросить цену на дом и на участок, — Бочкин едко усмехнулся.

Илона ответила тяжелым взглядом и вздохом:

— На меня намекаете? Напрасно, средств у меня таких нет. Да и зачем? Детей я не нажила, а вкладываться в недвижимость на старости лет? Для чего? Чтобы все отошло моим племянникам-недоумкам? — она презрительно фыркнула.

— Что же вы так о родне? Плохие отношения?

— Плохие отношения у меня были с их мамашей. А с ними у меня никаких отношений нет и быть не может! — дама обиженно поджала губы. — Эти сопляки сперва вздумали осуждать меня и обсуждать интимные подробности моей жизни. А потом явились ко мне на порог в надежде занять денег! Неслыханное хамство, я считаю.

Ее ноздри нервно раздувались, взгляд потемнел, черты стали хищными. Бочкин своим вопросом ступил на болезненную тему, и поторопился успокоить хозяйку особняка.

— В самом деле, вы правы, воспитанные люди так не поступают, — отметил он и с облегчением заметил, как Илона успокоилась.

— Вот именно, — сказала она и отправила в рот еще один леденец.

— Так кто может распускать слухи об этом доме? Может, кто-то еще из ваших соседей?

Женщина пожала плечами:

— Семьям погибших детей — точно не нужно. Да и не осталось тут никого, кроме матери одной девочки, местной учительницы. И матери ее парня. По-моему, его как раз и обвинили в том убийстве. А больше... Кому эта история нужна? — она пожала плечами.

Бочкин развел руками:

— Кому-то нужна, как видите.

Илона посмотрела на него внимательнее, усмехнулась:

— А ведь вы не журналист, верно? Вы детектив.

Бочкин удивился прозорливости Илоны, не стал отпираться. Кивнул.

— Я так и думала. И кто же вас нанял?

— Это конфиденциальная информация, — Бочкин полез в карман и достал визитку, положил ее на столик рядом с вазочкой с леденцами.

Илона придвинула картонку острием ноготка, прочитала. Ее взгляд стал лукавым:

— Бочкин? Какое занятное сочетание с именем-отчеством.

Бочкин поднялся, разговор о себе он явно не желал поддерживать.

— Если что-то странное привлечет ваше внимание, дайте, пожалуйста, знать.

Илона отложила визитку, но так, чтобы ее легко можно было отыскать.

— Странное? Намекаете на привидения?

— А стоит намекнуть?

Илона рассмеялась:

— Я не верю ни в призраков, ни в прочую эзотерическую чушь. Но если замечу что-то, стоящее вашего внимания, непременно вам наберу.

Бочкин опросил соседей Эллы Родович: все ее помнили как девушку приятную, вежливую, воспитанную.

— Компания у нее была только... оторви да выбрось, — вздыхала соседка, проживавшая напротив их дома, теперь заколоченного и неприглядного.

Бочкин попросил уточнить — со слов участкового выходило, что компания Эллы как раз была вполне приличная.

— А то и говорю, оторви и выбрось, вот какая компания. Оська, их заводила, из богатеньких, так он вообще слов «нет» или «нельзя» не знал. И вроде бы ничего такого не делает, но злой он был... По поселку ходил, руки в карманы спрячет, вразвалочку идет и на всех так свысока поглядывает. Остальные-то ему в рот и заглядывали. Что прикажет, то и делали. Петуха моего, помню, изловили да хвост ему и подпалили. Или у Петровны с соседней улицы дом говном извазюкали...

— За что?

— Замечание она им сделала, видите ли. Музыку громко свою, бабах-бабах этот свой громко слушали у нее под окнами, она их и прогнала. А утром вышла корову доить, а там... — старушка отмахнулась. — Пакостный этот Оська был, прости господи, что плохо о покойнике говорю. Да уж как есть.

Бочкин сделал пометку в блокноте. Было странно, что Осип Васильев был заводилой их компании, однако в проведении обряда обвинили Витю Морозкина. И книга была у него.

— А Витя Морозкин? Помните его?

— Этот хороший парень был, ничего плохого о нем не скажу. За Элкой ухлестывал, — она кивнула на запертые ворота. — Из соседнего поселка к ней приезжал. То с конфетками, то с цветочками.

— То есть серьезные отношения у них были?

Соседка покосилась на него, нахмурилась:

— Могли бы быть серьезными. Я у Вити спрашивала, может, и пожениться он думает на Элке-то нашей. Он так серьезно и говорил, что, мол, может и поженятся. Да только где там. Элка, стоило Оське нарисоваться, сразу про Виктора-то и позабыла...

У Бочкина приподнялись брови.

— ...Тот за ней к компании той и прибил по большей части. А так — самый адекватный из них был. Трудяга, не мажор.

Картина выходила, как говорят, маслом: неуправляемая компания мажоров и любовный конфликт. Мог он вылиться в криминальную потасовку и убийство? Да вполне.

— Как думаете, — Бочкин доверительно заглянул в глаза пожилой соседке, — Виктор мог из ревности подготовить убийство Осипа и остальных?

Женщина пожала плечами, задумалась:

— Да кто ж знает, что там во влюбленных мозгах творится... Но сдаётся мне, что нет, не мог. Витька не агрессивный был. Они и когда моего петуха подожгли, он птицу пытался отбить. Это мне уже после рассказали. — Она вздохнула и покачала головой: — Нет, не верю я.

Про грабителя местного магазина старушка ничего не слышала. Вернее, слышала, но не видела его, знала со слов других посельчан.

Бочкин отправился к своей машине.

На выезде из поселка притормозил на АЗС, заправился и разговорился с заправщиком.

— Давно тут работаете?

Заправщик — загорелый до черноты работага с внимательным и усталым взглядом — работал на этом месте уже с десяток лет.

— Я уж и сам точнее не помню, — усмехнулся он.

Тимур Альбертович спросил об убийстве, произошедшем пять лет назад. Заправщик покачал головой:

— Не в мою смену случилось, ничего не скажу. — Он прищурился: — А ты из этих, которые потом в газетках заметки строчат, ребятишек тревожат?

Бочкин достал визитку:

— Нет, меня мать одного из погибших тогда ребят наняла, чтобы попытаться разобраться...

Заправщик загрубелыми пальцами погладил гладкий картон визитки, понимающе кивнул:

— Нет, не было меня. Да и сменщик мой особо ничего не скажет, так, слухи. Но вам их и без него рассказывали.

— Может, что-то еще запомнили в свои смены? Что-то, что показалось странным?

Заправщик втянул носом налитанный бензином воздух.

— Да тут вообще особо ничего не происходит, тихий народ, безобидный.

— Местные вспоминают погибших подростков как мажоров неадекватных. Есть за что?

Мужик покосился на Бочкина.

— Да всякое бывает... Понимаешь, — он перешел на «ты», — что одному норма, другому — безобразие. Вот где грань?

Бочкин улыбнулся мудрости заправщика:

— Ну мы-то с вами понимаем, где норма, а где — нет. Вот давайте с этих позиций и посмотрим.

Мужик помолчал. Бочкин ждал.

— Разные они были. Те, что приезжали в поселок, сплошь из обеспеченных семей. Кого водители привозили, у кого родители на таких тачках, что я всю жизнь буду работать и не заработаю. И все такие, — он образно развел руками и нарисовал в воздухе подобие волны, — духи, шмотки как с картинки. Местные ребятишки, что к ним прибились, конечно, выделялись. И не сказать, что они откровенное хулиганье, но идейные шалопаи, проверяющие, как это называется, красные линии родителей? Вот, оно. У паренька... того, что постарше в этой компании... очень непростой отец. Я видел, как он с сыном разговаривает. Вот что не норма, так я тебе скажу. Парень к бабке сюда сбегал от отцовского контроля. Тайком бегал, сигареты покупал здесь, на заправке. Купив, сядет на выезде в теньке и долго-долго дымит. Уж не знаю, о чем думал, я с ним душевные разговоры не вел, да и в душу не лез. Но то, что на душе-то не все ладно было, с точностью тебе скажу. Вот так-то...

Тимур Альбертович смотрел на свои записи, хмурился.

— Интересная у вас философия выходит, — протянул он. — А посельчане говорят, будто они и дерьмом ворота пачкали, и петуха живьем жгли... А еще, за год до этих событий травили бомжа местного... А все потому, что на душе неладно?

— А от чего ж еще? Когда на душе ладно, животину мучить не станешь.

«Может, он и прав», — подумалось Бочкину.

Он вспоминал своих задержанных, все они на несчастную судьбу жаловались. И так эти жалобы оскомину набили, что всерьез их никто не воспринимал. А может и зря, может, по больной душе и можно определить, кто прав, а кто виноват. Но с заправщиком он в одном соглашался — нравственно здоровый человек не совершит преступление, по крайней мере умышленное.

— А что касается того бомжа, — заговорил вдруг заправщик, — так я вам скажу — с ним все неясно. Он не просто бомж, он что-то вроде дурачка местного был, юродивого. Все твердил, что богат как царь морской, что дом у него здесь имеется. Понятное дело, врал. Вот пацанва его за вранье это и дубасила.

— Так если он дурачок, как вы говорите, разве можно слова всерьез принимать, да бить за них?

— Не надо бить. Я потому и говорю — больные они душой были.

Бочкин вздохнул: далеко бы он пошел с такими рассуждениями.

Мужик придвинулся к нему. Коснулся указательным пальцем лацкана пиджака.

— Я вот что тебе скажу: они того юродивого и порешили.

Бочкин замер.

— Что?

— Когда полиция на место прибыла, она побои зафиксировала. Ну и выходило так, будто старик этот упал да головой ударился не сам, а помогли ему. И многие видели, как он убегал от Оськи с компанией. Да только вроде там по времени смерти не сошлось, дома они были в момент смерти-то, чай гоняли. Ну и подозрения с них сняли. А человека не вернешь. Хоть и старика юродивого, а жалко.

Бочкин молчал.

— И что, много народу-то считало, что Осип с приятелями убили того старика?

— Да почитай что все. Думали, не явятся уже в деревню через год. Постыдятся. А нет, явились.

Глава 7

Сестра Дарьи совершенно не походила на нее: светленькая, тихая, большеглазая. Таких хочется опекать и называть девочками. При этом отборный мат, на котором говорила заявительница, вводил майора Александрова в ступор.

— Позвольте, я прошу изъясняться нормальным русским языком.

Алена Ивановна не поняла:

— А я на каком? — но тут же спохватилась, понимающе усмехнулась. — А, вы из тех, которые за чистоту русского языка, да? Да срать я хотела...

— Алена Ивановна, давайте без хамства обойдемся? Вернемся к причине нашей с вами встречи, к исчезновению вашей сестры.

Алена смолкла, ссутулилась. Уставившись на собственные ногти, она принялась царапать заусенец.

— Расскажите, что вы помните о дне, когда видели сестру в последний раз.

Девушка посмотрела на Макса из-под длинной челки, потеряла замок на сумке.

— Да обычный день. Я пришла к ней на рабочую хату, как договорились...

— Простите, рабочая хата — это что?

Девушка посмотрела на него с недоумением.

— Ну вы же не думаете, что блогеры уровня Дашки в своей квартире съемки делают? Снимается квартира, чтобы там разместиться все смогли — гости, операторы, менеджер, осветители, визажисты... Целая команда работает, и всем надо жрать, пить, где-то спать во время стрима, а он, на минуточку, иногда сутки идет...

Она принялась стучать пяткой по полу, грызть ноготь на большом пальце.

— Блин... че теперь с ними всеми делать... Разбегутся же все. Мне потом Дашка голову открутит, что людей не сохранила. А как я ей сохранию, если она тупо бабла не оставила, а кушать всем на что-то надо... Да и за хату ее рабочую аренду платить надо.

Она снова выругалась, посмотрела на Макса, прикрикнув:

— Харэ пялиться, на соску свою пялся так.

— Алена Ивановна, держите себя в руках... — Макс добавил в голос металл. — Давайте не будем отвлекаться. Я вам задал вопрос о дне, когда вы виделись с сестрой в последний раз.

Девушка поджала губы.

— Я и отвечаю — обычный день. Я пришла к пяти вечера, убралась, выставила свет, заказала пищу. В шесть приехал курьер, заменил воду в кулере. Потом приехал еще один курьер, привез Дашке спонсорские шмотки. За ним приехали Омса, это стилист Дашкин, АйПи... Ну, Сэм Вавилов, он у Дашки типа технического директора. Осветитель приехал в семь. Ну и там уж сама Дашка пожаловала, наорала на всех, уволила Омсу, нарядилась и вышла в десять вечера в эфир.

— Уволила? Стилиста? — Макс записывал клички, прозвища и имена, которые сыпались изо рта Алены, как из рога изобилия, перемежаясь бранью.

Девушка закатила глаза:

— Это у них нормальная практика. Разосрались и тут же снова в десны целуются. Все равно кроме Дашки Омсе никто столько платить не станет.

— Имя у него есть?

— У кого? — Алена фыркнула. — Омса это «она», Ольга, кажется, ее зовут. Фамилию не знаю, без понятия.

— Телефон ее есть?

— На хрена он мне? Мы по мессенджеру списываемся... — Алена смерила Макса пренебрежительным взглядом.

Макс и сам почувствовал себя каким-то стариком. Просверлил заявительницу взглядом:
— Как связаться со всеми этими людьми?

Алена цокнула языком:

— Вы их, че, дергать к себе будете? Они все так-то занятые люди, час Омсы знаете сколько стоит?! Вы столько и за год не зарабатываете...

Макс вздохнул и медленно выдохнул. Это помогало взять себя в руки, вернуть мыслям ясность и не наорать на развалившуюся перед ним девушку.

— Я расследую исчезновение вашей сестры, напомню. Сестры, которая платила вам всем, как я могу судить из ваших слов, зарплату. Так что да, и Омса, и остальные не просто придут, а прибегут ко мне для дачи показаний. А если начнут упираться, доставим приводом. Это ясно?

У девушки дрогнули ресницы, уголки губ опустились. Она выглядела озадаченной.

— Дашка, блин, меня уроет... — пробормотала. — Нафиг я вообще в полицию пошла.

— Это ваш гражданский и сестринский долг, — напомнил Макс.

Нотации читать не хотелось. Но эта девушка на камеру рассказывала о бездействии полиции, а сама прятала от следствия важные сведения. Смерив Макса взглядом, Алена все-таки достала из сумки мобильный, активировала экран.

— Записывайте, че.

Макс записал всех, кого она упомянула. Все эти люди — блогеры, фотографы, команда убитой — должны быть в списках ее контактов. Кибербезопасники, конечно, все подгрузят, но с чего-то начать Макс надо было.

— Итак, вернемся к вашему стриму.

Макс уже успел ознакомиться с ним перед встречей с Аленой. И, надо признаться, до сих пор чувствовал себя так мерзко, будто выбрался из зловонной ямы. Убитая Дарья Синицына или Свиница, как ее знали в Сети, вела так называемые треш-стримы. В прямом эфире она ела медуз, живых червей, пила собственную менструальную кровь. Но чаще всего она издевалась над своей младшей сестрой, как ни в чем не бывало сидевшей сейчас перед Максом.

На последнем стриме Алена изображала собачку. На нее надели ошейник, нацепили ошейник с ушками. Она тявкала, лизала руки Дарье и ее гостю, бегала на четвереньках, ела из миски собачий корм. Макс не хватило терпения и духу досмотреть — стрим длился почти пять часов, и, судя по комментариям, в нем была какая-то закрытая часть, в которую были допущены только спонсоры — те подписчики, которые донатили каналу Свиницы.

Алена пожалала плечами и будто стушеввалась:

— Нормальный стрим. Как обычно... Дурака валяли, подписчики от этого текут.

— На этом стриме вы изображали собаку, — напомнил Макс.

Алена посмотрела на него с недоумением:

— Ну да... А чего такого?

— Вас там унижали, заставляли есть собачий корм.

Алена скривилась, отвела взгляд:

— Такие правила: ведущий называет цену и определяет, что сделает со мной в случае, если наберется оговоренная сумма.

— Это делается с вашего согласия?

Алена кивнула и снова пожалала плечами.

— И какого рода задания обычно на кону?

— Ну, разные... Чем более шокирующие, тем больше денег Дашка за это берет.

— Сколько вы заработали за последний стрим?

Алена покраснела:

— Я не знаю.

— Как такое возможно?

Девушка шумно выдохнула, положила ногу на ногу и переставила сумку на колени.

— Ну вот так... Я не знаю, какие суммы звучали в финале стрима. Не помню, что там было. — Она поймала недоверчивый взгляд следователя и выпалила: — Пьяная я была, ясно?

— Настолько пьяная, что не помните, чем завершился стрим? А во сколько он завершился, вы помните? Трансляция прекратилась в два часа ночи...

Алена молчала. Макс ждал.

Девушка фыркнула и снова неприлично выругалась:

— Ой, ну трахались мы там, что тут такого?! Дашка открытую часть завершила, ушли в приват, там остались только спонсоры... Вы же не полиция нравов, да? Все! Ничего больше не скажу вам, ищите Дашку, она мне за этот стрим не заплатила, а я отработала за всех, между прочим!

Макс почувствовал жалость к себе — ему это не только смотреть и пересматривать придется, еще и описывать для протокола. На этом фоне даже труп треш-блогерши не казался таким уж жутким.

«Чувствует мое сердце, это еще цветочки, ягодки впереди...», — подумал он, подписывая пропуск Алене Сеницыной.

Опрос сотрудников треш-блогерши Сеницы подтвердил показания ее сестры.

— Дарья вытворяла совершенно неприемлемые вещи. — Это был не вопрос, а констатация факта. Макс наблюдал за расслабленно развалившимся на стуле осветителем Сеницыной, Олегом Липаревым по кличке Онли. Смазливый брюнет с модной стрижкой и серьгой в ухе нагло ухмылялся.

Макс уточнил:

— Она их сама придумывала?

— По-всякому бывало. Иногда сама, иногда подписчики подкидывали идейки. Знаете, одна девушка-фотограф провела эксперимент. Не у нас, во Франции, кажется, или в Штатах, не суть. Так вот, она разделась и разрешила посетителям выставки делать с ней все, что им захочется. Те сперва стеснялись, а потом, когда поняли, что никакого наказания нет, стали вести себя жестче и жестче. Они резали ее, капали горячим воском на грудь, рвали волосы... И, вероятно, натворили бы что-то еще, если бы фотограф не остановила эксперимент. Люди, когда чувствуют свою безнаказанность, в большинстве своем оказываются редкими тварями. — Он скучающе покачал ногой, посмотрел на Макса с холодным интересом.

— Она поджигала волосы сестре, — напомнил тот, вспомнив один из эпизодов.

Онли пожал плечами:

— И что? Елга не возражала... Ей за это платили бабки, знаете ли.

— Елга? Это прозвище Алены?

Парень смерил его презрительным взглядом:

— Не прозвище, а ник, — поправил он и, взглянув на кувшин с водой, спросил: — Можно попить?

Макс не возражал. Он наблюдал за грациозными, уверенными движениями брюнета и его точно выверенными ракурсами: они выдавали в нем опытного артиста, умеющего работать на камеру.

— Вы тоже бывали гостем Дарьи? — предположил Макс.

Онли замер — всего на мгновение, допил воду. Вернул пустой стакан на поднос и снова пожал плечами:

— Давно, еще когда она собирала аудиторию. Она действовала на мужскую аудиторию, я — на женскую. Так многие делают.

Макс кивнул:

— Кто финансировал съемки?

— Свиница. Где она брала бабки, я не знаю.

— Донаты?

Онли фыркнул:

— Я тебя умоляю. Народ у нас жадный, из-за копейки удавятся. Нет, ну что-то там было, конечно. Официально из этих доходов Свиница за приваты платила. Ну опять же, иной раз подлечить кого-то приходилось, если игры заходили слишком далеко.

— Даже так?

Онли скривился.

— Ну, такое случалось не часто.

— Можете перечислить примеры?

Липарев потупил взгляд, вздохнул тяжело, протяжно, явно жалея, что сболтнул лишнего.

— Ну, Елга пару раз вывихи лечила. Потом, зимой случай был, когда ее на балконе держали. Она простыла и, кажется, у нее бронхит случился... Но я точно не помню, вы у нее лучше спросите.

— У Свиницы были хейтеры?

Он с оперативниками отдела «К» уже успел отсмотреть часть контента и выделил комментарии, в которых Свиницу и ее гостей проклинали и желали им гореть в аду. Их было не сказать, чтобы много, но процентов пятнадцать было.

— Само собой. — Онли кивнул. — Работа такая, не всем заходит.

— Почему же тогда люди смотрят?

Онли снова посмотрел на Макса, как на музейный экспонат, усмехнулся:

— Потому что люди — твари. Им нравится дерьмо жрать. А еще больше им нравится, когда это дерьмо жрут другие. Но чтобы уж совсем не перепачкать свое белое пальто, они кричат «какое безобразие!». Однако начинается новый стрим, и они снова заходят в сеть.

Макс кивнул: если бы контент не был востребованным, Свиница давно осталась бы без подписчиков.

— У Дарьи Синицыной был постоянный любовник?

Онли приподнял бровь.

— Вам еще не донесли? — Он склонил голову к плечу, сцепил руки на плоском, обтянутом тонким трикотажем, животе. — В самом деле?!

— О чем?

Он рассмеялся; тоже по-театральному красиво запрокинув голову и оголив кадык.

— Что ж, тогда расскажу я. Ябыл любовником Свиницы. Мы трахались как кролики на всех поверхностях с новогоднего стрима, когда она по заданию подписчиков отсосала мне... Клево отсосала, это надо признать. Мне понравилось. Но две недели назад она дала мне отставку. Я психанул и мы поругались.

— По этой причине вы не присутствовали на последнем стриме?

Онли кивнул:

— И на последнем, и на предпоследнем... Она звонила, просила, чтобы я не смешивал постель и работу. Я решил ее немного проучить, чертову истеричку... — Он прищурился.

— Кто стал ее новым ухажером?

— А я не говорил, что у нее появился новый ухажер.

— Не говорили, — Макс усмехнулся, — но я ведь и другими источниками информации пользуюсь.

Лицо парня стало бледным, взгляд остановился. Он тихо выругался:

— Тварь похотливая... — Онли перевел взгляд на Макса: — Я не знал, что у нее новый любовник. Она не упоминала о нем при мне.

— Вы уверены? Может, именно ревностью вызвано то, что вы пропускали эфиры вашей работодателяницы?

Брюнет закатил глаза, устало выдохнул:

— Ну, ясно. Меня крайним хотите сделать, типа я приревновал и прикончил ее.

Макс замер на мгновение.

— А разве я упоминал о смерти Дарьи Синицыной?

У парня вытянулось лицо.

— Я... А зачем еще вы бы всех нас вызывали к себе?

— Исчезновения человека разве недостаточно?

Онли уже вернул себе самообладание, усмехнулся:

— Так это ж человека. Свиница тварью была конченной. И я думаю, что она сдохла. Если бы была жива, уже бы появилась, эфир она не пропускает.

Нефедов ввалился в кабинет Макса, наполнив его ароматом свежего кофе и булочек. Макс вспомнил, что не ел с утра и чертовски проголодался. Саня поставил перед ним пакет с выпечкой и стаканчик кофе, сам устроился напротив. Подпер щеку кулаком и усмехнулся:

— Ну, как, хлебнул модных развлечений нынешней молодежи?

Макс ответить не мог — рот был заполнен беляшом, откушенным мгновением раньше. Нефедов наблюдал за ним с почти отеческой любовью:

— Жуй, жуй, набирайся сил, они тебе еще пригодятся. Я, помнится, еще в Питере служил. Мы притон накрыли: знаешь, в котором всяческое садо-мазо практикуется. А там и инструментарий, на который мне, взрослому мужику, смотреть страшно было, не то что пред-ставить, что кто-то в здравом уме разрешит себе это куда-нибудь вставить... А там еще и видео было. Часов на двадцать. — Он поморщился. — Я такого дерьма не смотрел с подростковых лет, честное слово.

Макс посмотрел на него с осуждением.

— Я ем вообще-то, — напомнил он и отправил в рот последний кусок беляша.

— И ешь, кто ж тебе не дает-то! А я тебе тем временем картинку занятную покажу. — Нефедов усмехнулся. Он полез в карман, достал сотовый. Открыв галерею, положил телефон перед Максом. — Вот с кем Дарья Ивановна Синицына уехала в субботу.

Макс вытер руки салфеткой, придвинул к себе экран: на видео была та самая брюнетка, труп которой они нашли сутками ранее.

— На ней то же самое платье, — отметил он и поднял взгляд на Саню.

Тот кивнул и посоветовал:

— Предыдущее видео глянь.

Макс пролистал назад. Дарья, в джинсах и майке, вошла в подъезд в три часа ночи в субботу. Поднялась в свою квартиру и выпорхнула из нее около четырех дня в черном платье для коктейлей в компании худощавого мужчины в сером плаще поверх худи. В нем не было лоска, зато была какая-то животная брутальность.

— Он не из их компании, не находишь?

Нефедов пожал плечами.

— Да шут его знает, видны только макушка и плечи. Обрати внимание, как ловко он отворачивается от камер.

Макс откинулся на спинку стула.

— Он ждал ее в квартире? Ты по камерам смотрел?

— Доступны только записи пятницы, четверг восстанавливают. Но в пятницу его не замечали. Либо он вошел, как-то миновав систему видеонаблюдения.

— А это возможно?

Нефедов кивнул:

— На лестничной площадке камеры только на движение настроены. Если двигаться достаточно осторожно, то можно подняться на этаж, на котором проживала Синицына, и не потревожить ни одной.

Макс принялся смотреть дальше. Дарья и ее знакомый сели в такси бизнес-класса и уехали.

— Такси пробили?

Нефедов скривился:

— Обижаешь, да? Приличная контора, Синицына их услугами пользовалась регулярно, так как своей тачки не имела.

— Слушай, это же все недешево, откуда у нее бабки? Ее любовник говорит, что не такие уж там и большие заработки на донатах были. Ну, еще рекламные интеграции... А она дорогие шмотки носила, на такси бизнес-класса разъезжала, квартиру снимала. Да и ее собственная квартира стоит миллионов сто.

Нефедов уточнил:

— Сто восемьдесят, плюс мебель и техника. Но я понял твою мысль, мы проверяем ее источники доходов. Лучше спроси, куда таксист отвез Дарью.

— И куда? — Макс вернул сотовый Нефедову, тот убрал его в задний карман джинсов.

— В загородную виллу на Рублевке, в местечке Борки. Три этажа, антикварная мебель, все дела... Это в нескольких километрах по проселочной дороге до базы мотобайкеров.

Макс присвистнул.

— Ну, это же отлично, значит, у нас есть адрес ее нового любовника, — он приготовился записывать.

Но Саня Нефедов медлил, улыбался:

— Нету у тебя ни хрена. Потому что владелец виллы, банкир Савва Зотов с семьей уже месяц как на Мальдивах греется. Дом закрыт и под охраной.

Макс растерялся.

— А как же? Не понял...

— А так. Новый знакомый Дарьи Синицыной, очевидно, занял его без приглашения. Что, согласишься, вполне однозначно его характеризует.

Макс отбросил карандаш.

— Мастерски скрывает лицо от камер, — он согнул большой палец на правой руке, перечисляя: — Невидимо передвигается, отключает сигнализацию на пустующих дачах... То есть мы имеем дело с домушником...

Нефедов удовлетворенно кивнул, отхлебнул из своего стаканчика с кофе. Поморщился — тот остыл и теперь напоминал кофейный сироп. Подумав, Саня отставил стаканчик, явно не намереваясь к нему прикоснуться.

— Очень профессиональным домушником, работающим по-крупному: на этой вилле ни один маячок не сработал. Отключены все камеры, все записи, дом идеально чист, разве что не простерилизован. Ни одного отпечатка.

— А сейф банкира? Драгоценности его жены? На месте? Что похищено-то?

Нефедов рассмеялся:

— Я же говорю «чист»! Ни одного завалящего доллара в сейфах или бриллианта в шка-тулках. Даже картины вынесены. Аккуратно из рамок вынуты... и вынесен

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.